Gandurin, Konstautin Dmitrievich

Probuzhdenie

891.72
G196P

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

ГАНДУРИН

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПЬЕСА в 4-х СЦЕНАХ

дательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА. ◇ 1923.

19.
Gandurin, K. D.

ГАНДУРИН

Probuzhdenie

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПЬЕСА в 4-х СЦЕНАХ

Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА. △ 1923.

ИНВ. № 20138

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

Главлит. № 5408. Тираж 4.000 экз.

„Мосполиграф"—20 тип. „Красный Пролетарий", Пименовская.

https://archive.org/details/probuzhdenie01gand

891.72
G 196 P

Посвящаю памяти
моего покойного друга
Евлампия Александровича
Дунаева.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Степан Александрович Костылев 27 л., ткач.
Василий Козлов, приятель Костылева, 24 лет.
Афанасий Певунов, под 60 лет, прядильщик.
Настасья Ивановна, его жена, 50 лет.
Саша, дочь Певуновых, 21 г., прядильщица.
Катя, дочь Певуновых, 19 лет.
Михаил, сын Певуновых, 22 лет, слесарь.
Кузьма Дмитриевич Кошелев, фабрикант, 60 лет.
Михаил Петрович Карпов, губернатор.
Николай Алексеевич Колокольников, старший фабричный инспектор.
Алексей Федорович Хомяковский, полицмейстер.
Василий Фомич Зверев, пристав.
Николай Евдоксиевич Медведев, управляющий фабрикой Кошелева.
Попов, дворовый приказчик на фабрике Кошелева.
Перекатов, есаул, командир казачьей полусотни.
Сучков, старший городовой.
Печенкин, младший городовой.
Опалиха, под 60 лет.
Лавочник.

1-й рабочий.
2-й рабочий.
3-й рабочий.
4-й рабочий.
1-я работница.
1-й казак.
2-й казак.
1-й фабрикант.
2-й фабрикант.
3-й фабрикант.

Рабочие, работницы, казаки, городовые, фабриканты, конторщики, мастера.

Время действия 1905 г. Действие происходит в заштатном городе Владимирской губ.

СЦЕНА I-я.

Окраина города. Слева—три домика. Один из них новый, покрытый железом; два другие—в глубине—уже потемнели от времени, бревна передних стен выпятились, возле обоих кустики сирени и шиповника. Справа тоже стоит ветхий домишко, дальше, в глубине направо—лавка с вывеской над дверью, на которой золотыми буквами по черному фону выведено: „Мучная и бакалейная торговля". Лавка—небольшое кирпичное здание еще новенькое, со свеже выкрашенной зеленой крышей. Слева, также вдали, видна фабрика; над зданиями фабрики возвышаются две трубы, похожие на гигантские сигары, и башня водоема. Между домишками, на пустыре, стоят две плакучих березы. Возле берез скамьи, какие обычно бывают в деревнях возле качелей,—вбиты в землю кодья и на них укреплена доска. Вечер. Луна.

Настасья Ивановна (*появляется из-за угла переднего дома, негромко и протяжно, точно поет*). Саша! Саша! Катя!

Петр. Окружн. Военно-Полев. Школа

Опалиха *(выходит справа)*. Кого кличешь, Ивановна?

Настасья Ивановна. Девченок, простреливших пострел, кличу. Оставили одну ради Троицына дня. Сижу, сижу день — деньской тоска одолела.

Опалиха. Как не одолеть... Троица пришла, а в городе точно чистый понедельник: ни песен, ни пляски, ни выпивки настоящей...

Настасья Ивановна. Саша! Катюшка!

Опалиха. Зря кличешь, Ивановна, не услышат, ушли, чай, поди, не близко.

Настасья Ивановна. Куда им уйти, девкам-то? Около дому бродили все.

Опалиха. Куда? Найдут дорожку. Теперь больше в лес, за реку, ходят на собрания.

Настасья Ивановна. Ах, что-б их куры заклевали. В гости тоже видно никто не придет. Десятый час, а ни одна живая душа еще не заглянула.

Опалиха *(садятся под березами)*. Какие гости... Ты посмотри что в городе делается. Драгуны приехали, казаки рав'ез-

жают по улицам... Точно война какая начинается.

Настасья Ивановна. Понаехали с дуру— нечего им делать. На японца-то идти не хочется, ну и нашли себе занятие... Страсть какая: на фабриках, почитай, одни бабы, да девки, забунтуют...

Опалиха. Будет, соседка, дело будет.

Настасья Ивановна *(протяжно и громко).* Отец! Афанасий!.. Нет... Экие бесы, прости господи, ни отца, ни детей— все разбежались.

Опалиха. Афанасий Иванович в Завертяиху ушел, к Булаевым. Там у них собрание нынче насчет расценков.

Настасья Ивановна. Ну и расценят за четвертной. Никто и не вспомнит на утро о чем вечером говорили.

Опалиха. Эх, Ивановна, что то будет... Встанут фабрики-то... Перетерпел народ-то.. Забастуют видно.

Настасья Ивановна. Ну и пускай. Погуляют пока май не пришел, а у хозяев-то капиталу не убудет — насосали хватит с них.

Опалиха. А как драгуны да казаки стрелять начнут, а? Как кровь польется? Стреляли, говорят, зимой в Петербурге.

Настасья Ивановна. Ну так-то в Петербурге. Там народ отчаянный. На наших-то погрози баба веником и попрячутся по за печьям. Куда, в них стрелять... Без стрельбы обойдется дело. Пойдем-ка, Опалиха, посидим у меня; самовар вскипел и водочка найдется—выпьем.

Опалиха. Отчего не выпить, пойдем. (*Уходят. Слева идет Печенкин, справа Сучков, встречаются*).

Печенкин. Здравия желаю, господин старший!

Сучков. Здравствуй! Сменился?

Печенкин. Так точно.

Сучков. Ты на мосту стоял? (*Вынимает табакерку и набивает нос табаком*).

Печенкин. На мосту, господин старший. (*Чихает*).

Сучков Я нюхаю, а ты чихаешь... штука. (*Снова набивает ноздри*). Меня не пробирает... принюхался нос-то. Ну, что тихо?..

Печенкин. Как будто ничего... тихо.

Сучков. А за рекой?

Печенкин. За рекой шабаршатся.

Сучков. Шабаршатся, говоришь?

Печенкин. Набилось там их много. В лесу весь день голоса гудели, точно на толкучке в базарный день.

Сучков. Митинг, значит был. Ну ладно. Ты помалкивай. Коли начальство спросит,—говори,—тихо, мол, везде. Рабочие знают, что я сегодня посты расставлял. Коли что выйдет—меня винить будут: скажут шпионил. А там смотришь кирпич в затылок и в'едет.

Печенкин. Как раз. Вона в газетах каждый день пишут, там городового убили, здесь двух прихлопнули.

Сучков. То-то и оно-то... Надо быть на чеку; без толку не надо лезть на рожон. Оно хоть и служба и за царя и за веру нам стоять надо, а все-таки сноровка нужна.

Печенкин. Как же без сноровки... без сноровки шкалика не выпьешь.

Сучков. Поперхнешся... Это ты правильно.

Печенкин. А кажись каша у нас в городе-то заваривается, господин старший?

Сучков. И здоровая каша, здоровеннейшая. Держись наш брат городовой. Пока фабрики работают, не видно у нас людей-то. А выйдут все разом, да закричат—в чувствие кой кого приведут. (*Справа идет Зверев. Городовые, увидев его, вскакивают, делают „под козырек“*).

Зверев. Вы что тут делаете?

Сучков. Проверяю посты, ваше благородие. Устал от ходьбы; присел табачку понюхать. Печенкин сменился идет в часть.

Зверев. Ну, как спокойно?

Сучков. Так точно. Тихо.

Зверев. А за рекой? В часть телефонил Кошелев... Говорил, что в лесу рабочие собрались. Он из дома с балкона видел... будто бы очень большая толпа.

Сучков. Ошибся видно. Это ваше благородие, цыгане. Табор, говорят, здесь появился. Не иначе, как они по лесу кружили.

Зверев. Ну цыгане, так чорт их побери. Поворуют, понищенствуют, да и уедут. От этих хлопот не много.

Сучков. Да может и цыган нет. Кошелев-то говорят, немножко того... не в своем разуме: мерещится ему. У меня свояк в лакеях у него служит. Сказывал: сидит говорит, наш Кузьма Митрич за столом, кушает, воткнул, говорит, вилку в поросятину, да как закричит: „прогоните лошадь!"; свояк-от ему: здесь нету лошади. Как, говорит, нет, разве я не слышу, как она по паркету подковами стучит.

Зверев. Дурит он.

Сучков. А пожалуй и дурит. Человек богатый: ему можно дурить.

Зверев. В половине двенадцатого в наряд. Приготовь десять человек, только расторопных. Понял?

Сучков (*козыряя*). Так точно, ваше благородие, понял. (*Усмехаясь*). Рыбку ловить будем?

Зверев. Увидим там. Ступайте!

Сучков (*козыряя*). Слушаю. Счастливо оставаться.

Печенкин (*козыряя*). Счастливо оставаться, ваше благородие. (*Уходят, один налево, другой направо. Зверев некоторое время стоит, прислушивается: где-то вдали чуть слышно поют, что—не разобрать. Постояв несколько мгновений, Зверев точно по команде, круто поворачивается на каблуках и заложив руки за спину, уходит медленным шагом налево. Справа из за угла дома выходят Костылев и Козлов*).

Козлов. Рыбку ловить собираются, мерзавцы. Свернуть бы голову этому Звереву.

Костылев. Потише, Вася не горячись.

Козлов (*смотрит в ту сторону, куда ушел пристав*). Не горячись... горло бы перегрыз этому негодяю. Ишь шагает сволочь. Свинцовую бы горошину ему в спину всадить. Куда идет, а?

Костылев. Куда? Воздух нюхает, не пахнет ли чем.

Козлов (*поднимая с земли кирпич*). А что, Степан, попробовать? Догоню да в затылок и ахну.

Костылев. Брось, ни к чему это, Вася. Надо валить не одного Зверева, а всех разом.

Козлов. Понимаю, что разом. Душа горит, Степан.

Костылев. А ты на нее водички плесни... холодненькой, чтобы не сгорала.

Козлов. Как ты можешь шутить?

Костылев. А отчего не шутить? Пыжится да хмурится—не гоже нашему брату. А Звереву мы щетину покажем, забастуем—подожмут хвосты.

Козлов. Забастуем-ли? Поговорят может, а до дела не дойдет.

Костылев. Не разговорами пахнет. Ну вот что: Зверев готовится—будут аресты, а у меня шрифт на квартире лежит, надо убрать.

Козлов. Ты берегись. Если тебя арестуют—беда: все дело развалится.

Костылев. Ну уже так и арестуют. Я старый воробей, вывернусь. Ты подожди меня я сейчас. (*Идет к дому. Из дома выходят Настасья Ивановна и Опалиха*).

Настасья Ивановна (*она слегка выпивши*). Степан Александрович, погуляй с нами, со старухами.

Костылев (*в тон ей*). Да некогда гулять, тетушка Настасья.

Настасья Ивановна. Полно ты суетиться, суета... Праздник, а ему некогда. Поди попей чайку—самовар горячий,—да и выходи песни петь.

Костылев. Да говорю же—некогда. Уходить надо. Кума, вишь меня ждет сегодня.

Опалиха. Чай, поди, молоденькая, да хорошенькая.

Костылев (*все в том же тоне народного балагурства*). Молоденькая—лет семидесяти, беззубая, бородатая, говорят на метле, по ночам, в Киев летает. (*Уходит в дом*).

Настасья Ивановна. А ну тебя, балагур. (*Запевает: „Говори скорей вещунья долго-ль жить мне на веку. А кукушка отвечала одним словом лишь ку-ку". Опалиха подпевает, но пение не клеится: голоса звучат старчески и слабо*).

Настасья Ивановна. Не певуньи мы с тобой, Опалиха.

Опалиха. Какие уж песни теперь. Жизнь то прожили с ревом, а не с пес-

нями. Реветь умеем, а песни петь разучились.

Настасья Ивановна. А ведь помню я себя, соседка, молоденькой. И Троицу, как праздновали в те поры помню. Эх, и пела же я, молодая то. (*Подходит к березам*).

Настасья Ивановна (*Козлову*). Что за человек: свой или чужой?

Козлов. Свой.

Настасья Ивановна (*садится на скамью*). А свой так и хорошо. Ждете кого или гуляете?

Козлов. Жду Костылева.

Опалиха. И вы—к куме в гости? Двое к одной пойдете — подеретесь пожалуй. (*Выходит Костылев. За спиной у него гитара, повешенная на ремне, в одной руке скатерть, завязанная в узел, в другой камышевая трость*).

Костылев. Вася, идем.

Козлов (*вставая*). Идем. (*Смотрит на Костылева*). Э, да ты, брат, и с гитарой...

Костылев. И с тростью—франт... Первый парень по деревне.

Настасья Ивановна. Сыграл бы на гитаре, да спел... Успеешь к куме то своей.

Костылев (*шутливо балагуря*). И то опоздал: тетушка Настасья, поди серчает.

Настасья Ивановна. Чего в салфетку-то завязал?

Костылев. Гостинцы. К куме с голыми руками не пойдешь. Грецких орехов для праздника купил, пряников, да ландрину.

Опалиха. Дали бы нам орешков-то.

Костылев. Э, полно, Опалиха, у тебя зубов нет — грызть нечем. Идем Вася. (*Уходят направо по направлению к поселку*).

Опалиха. Куму тоже выдумал. Не парень, а бес какой-то: балагурит, а на уме свое держит.

Настасья Ивановна. Люблю я его,—веселый, разговорчивый. Только вот одевается плохо: и будень и праздник в одном пиджачишке ходит.

Опалиха. Я думаю—он не из этих ли, не из революционеров ли. Больно уж у него глаза пронзительные. Ты, Настасья Ивановна, поглядывай... Он у тебя живет,

да вокруг Саши твоей вьется... Не вышло бы чего.

Настасья Ивановна. Ну что ты, мать моя, полно. Парень он не пьющий, разума не занимать стать. А коли с Сашей у них сладится, только и скажу: совет да любовь. Он не франт, да и Саша у меня не модница; он ткач и она прядильщица—пара, откуда не посмотри.

Опалиха. Да я ничего, так, к слову. Особенный он как будто какой — вот и думается. (*Пауза*). Народ идет. Слышишь голосят?

Настасья Ивановна (*смотрит в даль*). Слышу... да ведь это мои девчонки идут. И Михайло никак с ними.

Опалиха. Из-за реки идут, сособрания. (*Слева, из-за домиков, идут Саша и Катя, через некоторое время—Михаил*).

Настасья Ивановна (*встает и идет навстречу дочерям*). Хороши дочки. Оставили одну ради троицына дня, ради праздника весеннего.

Саша. Не до праздника сегодня. Какой сегодня праздник.

Петр. Окружн. Военно-Полит. Школа

Настасья Ивановна. Где вы целый день пропадали?

Катя. Далеко, мама.

Саша. За рекой.

Опалиха. Говорила я тебе, соседка, что за реку ушли.

Настасья Ивановна. Ах, вы греховодницы, ну-ка на цельный день провалились.

Опалиха. Чего хорошего услыхали?

Саша. Много.

Катя (*быстро*). Ах, как ораторы говорят хорошо... Один черненький такой говорил, молоденький — должно быть студент... уж так то красноречиво.

Настасья Ивановна. Да про что говорили то?

Саша. Рассказывали, как в Петербурге зимой в рабочих стреляли, про фабрикантов, про жизнь нашу рабочую.

Катя. Один вышел да начал: все говорит зло от того происходит, что у нас на троне палач сидит, а народ-от прочь — напугались.

Настасья Ивановна (*испуганно*). Тише, ты дурочка... За такие слова тебя и та-

кое место посадят, что и свету не увидишь больше.

Опалиха. Эх, соседка, говорила я тебе: быть худу.

Михаил (*стоявший до того времени с мрачным, сосредоточенным видом*). И так уж нехорошо. Хуже этого не будет. Обесчестили Россию-то, осрамили на весь мир.

Настасья Ивановна (*Михаилу*). Ну, ты молчи, политик.

Михаил. Японцы бьют нас изо дня в день. А поехал Куропаткин на войну—целый вагон икон повез. Вот тебе и иконы—не помогли. Как подумаешь, так душа переворачивается. Позор один, срам.

Саша. Рассказывали про войну-то... Говорят зря ее начали-то. Из-за лесов каких-то!

Катя. Про фабрикантов-то как говорили—прелесть! Оказывается их называют буржуа, а нас — пролетарии и мы пролетарии терпим угнетение во всем мире.

Михаил. Не все только пролетарии бараны... Это мы вот чисто овцы какие...

Слепы, темны, боимся всего. Живем, как звери: как зверей нас душат, бьют, заставляют работать. А мы не понимаем своего звериного положения. Проснемся ли мы когда?

Опалиха. Вона драгун-то нагнали — разбудят.

Настасья Ивановна. Пойдемте, дети,— самовар, чай, остыл. Опалиха, пойдем. *(Все встают. Слева за домами слышны голоса, потом звонкий тенор запевает: „Много песен слыхал я в родной стороне, И про горе и радость в них пели... Но из песен одна в память врезалась мне.—Это песня рабочей артели!..". Подхватывают припев. Слышен топот лошадей, крики: „казаки!" Раздается чей-то раздирающий душу стон: „убивают, помогите, товарищи!" Снова крики: „палачи, кровопийцы!" Настасья Ивановна, Опалиха, Саша и Катя в испуге жмутся к дому и, наконец, уходят в него. Михаил остается на улице,—смотрит, силясь разглядеть, что делается в голубой, лунной дали).*

Михаил. Бьют... Негодяи, подлецы...

Настасья Ивановна *(из окна дома)*. Миша, иди домой... иди от беды подальше.

Опалиха *(тоже из окна)*. Вот, начинается. Эх, будет дело, хватим мы горя.

Катя *(из окна)*. Что там, Миша?

Михаил. Казаки разбойничают. Храбры с безоружными-то. Эх, мерзавцы. *(Слева идет Афанасий, он слегка пошатывается)*.

Афанасий. Кричат? Казаки дерутся... Вы не больно того... Что штаны с лампасами так и драться? Мы тоже своего права ищем. И право наше большое, большущее... Кто первый человек на земле? Рабочий!.. Потому он в поте лица ест хлеб свой.

Михаил. Иди, папаша, спать.

Афанасий. Не хочу. Иди сам спать. Что я не рабочий что ли? Что я затычка какая нибудь? Я тоже хочу дело делать... Я не хуже других.

Михаил. Напился уж. В городе все точно на исповедь собираются, а ты... Эх, папаша... не во время пьешь.

Афанасий. Ну ты, молодое яблочко... От кого ты покатилося, от какой яблони?

Ты не учи меня. Я не хуже тебя понимаю политику то... а выпил я со своим братом рабочим... С радостью выпил... Потому что фабрикантам карачун приходит. Карачун им сукиным котам.

Михаил. Иди, папаша... Наедут казаки—отхлещут.

Афанасий. Отхлещут? Не могут хлестать они меня... Потому я Афанасий Певунов, работаю сорок лет... я честно и никто тронуть меня не посмеет... а тронут, сдачи дам. Ты не гляди, что я старик. Я—держанный, в десяти водах мочен, на десяти чердаках сушен.

Михаил *(подойдя к окну дома)*. Мама, папа пришел. Возьми его, а то он сам не догадается, что спать пора.

Афанасий. А... матери жаловаться... ничего она не сердитая. Мы с ней сорок годов прожили не дрались. Мать, давай-ка споем песенку. *(Запевает).*

В лесу заенька жил,
В лесу серенький жил,
Очень выпить любил...
Он настоечку пил,
Можжевеловую.

Настасья Ивановна (*выходит из дому и берет Афанасия под руку*). Ты, пьяная галоша, пойдем... Спать пора...

Афанасий. Я галоша, а ты квашня... Брысь... Брысь... Иди мышей ловить, слышишь под лавкой скребутся?

Настасья Ивановна. Пойдем, мелево. Опалиха у нас сидит, чай будем пить.

Афанасий. Чай? Ладно. Чай пить—не дрова рубить. Эх ребята, стойте дружно, стеной стойте. Долой фабрикантов. Долой их сукиных котов! (*Уходят в дом. Михаил стоит возле дома, сосредоточенно курит, выходит Саша*).

Саша. Ну что, где казаки-то?

Михаил. Ускакали. Народ из-за реки шел — напали мерзавцы. Эх, ненавижу я этих казаков. Сколько они народу переувечили. Народ то наш дрянь... Взяли бы да и поднялись все от мала до велика... Кто с ломом, кто с камнем... Небось справились бы. Много ли их, разбойников то этих—всего с полсотни, а нас рабочих—десятки тысяч. Терпим, ну и поделом нам.

Саша. Кажется конец терпению пришел. Уж всякому видно, что неладное у нас в России-то. По всем городам забастовки, в деревнях мужики бунтуют. (*Пауза*). Говорят восьми-часового рабочего дня будут требовать. Смешно даже: восемь часов... это с одиннадцати то с половиной?

Михаил. Смешно! До чего мы загнаны, забиты, до чего отупели. Работать восемь часов нам кажется нелепым до смешного. Мы привыкли работать как лошади, без счета времени, привыкли к мертвящей, одуряющей усталости и право на отдых, на жизнь нас смешит. Эх, сестра! (*Идет Катя*).

Катя. Никого нет... Удивительно. Что это барышни наши не собираются. Хоть бы потанцовали, песен попели. (*Напевая танцует*).

Михаил. Не танцовать надо теперь, не танцовать.

Катя. Ну, а что же делать?

Михаил. Что—не знаю. Знаю, что так жить, как мы жили, нельзя... Эх, если бы кто указал мне дорогу. Пошел бы я по

ней, пошел бы... Никто бы меня не остановил. (*Невдалеке поют*).

„Во поле березанька стояла,
Во поле кудрявая стояла!..

Припев хором:

Люли, люли стояла
Люли, люли стояла...
Тары бары, растабары—
Снеги белы выпадали,
Серы зайцы выбегали,
Охотнички выезжали,
Злых собак своих спускали—
Красну девку напугали:
Ты девица стой, стой, стой!
С нами песни пой, пой, пой...
Чурвирь мой чурвирь,
Чурвирьнавирный чурвирь,
Еще чудо, перво чудо
Чудо родина моя!"

Саша. Да ведь это Степан поет.

Катя. Он... Ну споем теперь. (*Подпевает: „Чурвирь мой чурвирь, чурвирьнавирный чурвирь". Идет толпа молодежи, среди них Костылев и Козлов*).

Костылев (*Саше и Михаилу*). Добрый вечер, други.

Катя. Добрый вечер, Степан Александрыч. Давайте петь. Чего вы замолчали?

Костылев. Идет Федора за Егора. (*Молодежь здоровается друг с другом, усаживается на скамьях возле березы, часть стоит*).

Костылев. Э... (*Трогает струны*). Запоем-ка новую,—братцы. Кто знает подпевай. (*Поет, аккомпанируя на гитаре*).

Жил да был на свете некий буржуа,
Мирно и счастливо жизнь его текла!..

Молодежь подхватывает:

Буржуа тот наш хозяин,
Кузя Митрич шкуродрал,
Пузо, рожа и нахал...
Пузо, рожа и нахал.

Костылев (*поет*).

Не знавал он горя, брюхо отрастил,
Но настало время—буржуа завыл.

Молодежь:

Буржуа тот наш хозяин,
Кузя Митрич шкуродрал,
Пузо, рожа и нахал...
Пузо, рожа и нахал.

(*Справа идет Кошелев, в руке трость, в зубах сигара Он прислушивается к пе-*

нию, наконец, поняв содержание песни, бросает гитару, бешено врывается в толпу).

Кошелев (*размахивая тростью*). Кто это—шкуродрал-то? Кто собаки? (*Все от неожиданности растерялись и замолчали, только Костылев спокойно перебирает струны и насмешливо улыбается*).

Костылев (*очень спокойно с усмешкой*). Кто? Кузя Митрич.

Кошелев (*свирепо*). Кузя Митрич? Кто этот Кузя Митрич?

Костылев (*также*). Буржуа... (*В толпе придушенный смех*).

Кошелев. Какой буржуа?

Костылев. Да говорю: Кузя Митрич... Чай не глухой—слышишь.

Кошелев (*задыхаясь от бешенства*). Ах, ты собака... Зубы скалить! Я тебя проучу! (*Замахивается палкой*).

Костылев (*отводя его руку*). Ты, Кузьма, не горячись. Ты не гляди, что я тонок. Я—сердитый. Осержусь—со мной никакой толстяк не совладает. Намну брюхо хоть какому борову.

Кошелев (*опустив трость и немного отступив*). Ах, ты пес поганый... Ты кто такой?

Костылев (*спокойно*). Ты сам, Кузьма, пес... А кто я не знаю. Родился давно. Позабыл кто родил. (*В толпе смех*).

Кошелев (*в бешенстве*). А, так... так... ладно, бродяги. Я вас плакать заставлю! Над хозяином издеваться вздумали... над своим кормильцем... Кто вас кормит собаки? Кем вы живы? (*Голос из толпы: «Кем ты сам жив—кровопивец!»*).

Костылев. Шагай, Кузьма, полно. Иди на фабрику коли пошел. Там на ком-нибудь сорвешь злость—хоть на стороже.

Кошелев. Я вас проучу! Вы думаете ваша возьмет? Рылом не вышли... Радуетесь дьяволы,—бунтуете: начальство вожжи упустило. Ненадолго. Мы вас скрутим. Дворяне ослабли — купечество вас подтянет... Кланяться нам будете, в ногах будете валяться. Мы не городовых—казаков на вас пустим. Они вам покажут географию; они вас научат уму разуму. У, разбойники... (*Уходит скорым шагом по на-*

правлению к фабрике, в толпе смех, говор, крики: «шкуродрал! Кузька, вернись, штаны потерял!»)

Михаил (*Костылеву*). Зацепил ты его. Всю ночь спать не будет.

Козлов. В полицию позвонит.

Михаил. Позвонит. У него обычай: заспорил рабочий с табельщиком или с мастером—казаков зовет. Те выводят рабочего за ворота и в нагайки. Мерзавец, каких свет не видывал. (*Справа и слева показываются полицейские. Они стараются держаться не замеченными. Зверев отдает шопотом приказание; трое городовых подходят к дому Певуновых, остальные во главе со Зверевым окружают толпу*)

Зверев (*кричит городовым, подошедшим к дому*). Вы... из дома никого не выпускать. Слышите? (*В толпу*). Костылев Степан, здесь? (*В толпе растерянность, тишина, все притаили дыхание. Костылев быстро подходит к Звереву, снимает шапку и кланяется в пояс*).

Костылев (*делая наивно глупую рожу*). Ваше благородие, он на огороде... С девками хороводится. Я его сейчас крикну. (*Выходит из толпы, глупо кричит: «Степаха, Костылев, спрашивают тебя!» Постепенно удаляется: «Эй, не слышишь? Иди-ка, нечего тебе... с девками то, я заместо тебя... эй, чего ты, али размарьяжило?» Скрывается за домами. Зверев ждет, потом теряет терпение*).

Зверев (*Сучкову*). Окружите их, не выпускать...

Сучков. Слушаю.

Зверев. Двое за мной. (*Уходит. Толпа молчит, ожидая исхода происходящего. Зверев возвращается*).

Зверев (*в толпу*). Кто это парень с гитарой? (*Голоса: «не знаем, не с нашей улицы»*).

Зверев (*городовым*). Марш — догоняйте! Хватай каждого—кто встретится. (*Городовые рысцой трусят и скрываются за домами; в толпе оживление*).

Зверев (*грозит толпе кулаком*). Не радуйтесь... не уйдет—поймаем. (*Уходит*).

Саша (*смотрит в ту сторону, где скрылся Костылев*). Неужели его поймают?

Катя. Такого-то ловкача. Вон он как вывернулся, точно вьюн... прямо из рук выскользнул.

(Занавес).

СЦЕНА II-я.

Фабричный двор. Слева двухэтажный корпус, небеленый, окна большие. У двух окон верхнего этажа—пожарные площадки, напоминающие видом балконы; с площадок идут железные лестницы—вверх на крышу и вниз—на землю. Окна, перед которыми находятся площадки, открыты настежь. В нижнем этаже две двери, одна ближе к авансцене, другая на втором плане. В глубине двора виден двухэтажный флигель, над входной дверью флигеля укреплена вывеска гласящая: „контора.“ Справа забор, на первом плане ворота, возле ворот калитка с узким, загороженными перилами, проходом в котором обыскивают рабочих; подле калитки будка—сторожа, возле будки раскинул зеленую шапку дуб. В разных углах двора лежат ящики, кипы хлопка, чугунные трубки, зубчатые колеса и т. п. Солнечное утро. Сторож сидит возле ворот на скамье. Из окон выглядывают рабочие. То из одной, то из другой двери выходят мастера, рабочие, идут в контору и обратно. Из ближней двери корпуса выходит Афанасий и подходит к сторожу.

Афанасий *(на-ходу)*. Эй, ты дядя бородатый—убил бабушку лопатой... что у тебя за воротами-то?

Сторож. *(неохотно)*. Ничего.

Афанасий. Ребятишки трехаршинные не приходили?

Сторож. Приходили вчера какие-то...

Афанасий. Приходили говоришь? И много их было?

Сторож. Нет, немного.

Афанасий. Да что ты точно мочалку проглотил. Ты рассказажи как следует, обстоятельно.

Сторож. Нечего рассказывать-то. Приходили и ушли,—вот и весь сказ. Начальство сейчас пойдет, наскочишь на управляющего — он тебе покажет где ижна стоит.

Афанасий. Ну сегодня я сам, пожалуй, покажу. Они придут к нам? Не сказали?

Сторож (*неохотно*). Кто?

Афанасий: Да вчерашние-то.

Сторож. Не сказали.

Афанасий. Не разговорчивые видно были, как и ты. Ничего, придут, часам

к одиннадцати ждать надо. Вчера снимали с работы, восемь фабрик остановили.

Сторож. Может и придут. (*Выглядывает на улицу*). Попов идет, уходи.

Афанасий. Ладно, уйду. (*Уходит в корпус. Входит Попов, крестится, сторож кланяется*).

Попов. Ну что, а... сам не приезжал?

Сторож. Нету.

Попов. А Медведев?

Сторож. Тоже не приезжал.

Попов (*идет по направлению к корпусу, поднимает с земли болт и гайку, сторожу*). Ты, оборотень... Гляди, что у тебя на дворе то делается.

Сторож. На дворе все в порядке.

Попов (*подойдя к нему, сует ему под нос болт*). В порядке? А это что валяется? Увидит сам, что скажет, а?

Сторож. Известно что: лаяться будет.

Попов. Лаяться?.. Кого он лаять то будет, ступа ты этакая? Меня ведь будет лаять—чорт! Лаяться... ты думаешь этот лай всем приятен?

Сторож. Это Игошка подметальщик не доглядел.

Попов. Игошка... А ты чего бельмами то хлопаешь? Ишь бороду распустил. Обстригся бы что ли—чего чучелом ходишь?

Сторож. За стрижку гривенник надо платить.

Попов. Гривенник, гривенник... тебе бы за грошь этакий лес срезать.

Сторож *(выглядывает на улицу).* Николай Евдоксеич приехал. *(Входит Медведев, сторож снимает шапку. Попов подобострастно кланяется).*

Медведев *(гнусавым голосом).* Ну как, господин Попов, благополучно у нас?

Попов. Благополучно пока.

Медведев. Что рабочие говорят?

Попов. Да разное... не поймешь. Один то, другой се... Я уж с час верчусь здесь, нюхаю, а ничего определенного не уловил.

Медведев *(пощипывая бородку).* Так, так... Вчера бастовали... восемь фабрик зашабашили.

Попов. Вчера бастовали, а сегодня может и не будут.

Медведев. Ну это вряд-ли... Начали без помехи—продолжать будут. Власти-то наши виляют, бездействуют.

Попов. Вот от этого самого и пошло все... Власть завиляла, ну, а зипуны и рады—напирают.

Медведев. Да, да... щелкнули нас японцы и пошло, закачалось. Передайте, господин Попов, всем служащим, чтобы были все на местах, не отлучались. Сегодня день серьезный. (*Сторожу*). Как только Кузьма Дмитрич приедет—доложи.

Попов. Ох, не в настроении же он сегодня приедет—беда! Вчера туча тучей ходил.

Медведев. Есть от чего, господин Попов, есть от чего. (*Уходят—Медведев в контору, Попов в корпус. В окне, перед площадкой, показывается Михаил, в руках у него слесарные инструменты*).

Михаил (*в окно*). Если механик спросит,—скажи, что я на чердак трубу осматривать полез. Каплет, мол, с потолка, должно быть, мол, труба потекла. С чердака я увижу, что в заовражье делается.

1-й рабочий *(в окне)*. Ладно. Что-нибудь соврем. Только ты скорее.

Михаил. Не обедать лезу на чердак. Посмотрю и вниз.

1-й рабочий. То-то... не томи. Увидишь ли что?

Михаил *(поднимаясь по лестнице)*. Увижу. Не дымят трубы—стало быть бастуют. Да и народ виден будет. Чай около фабрик соберутся. *(Скрывается на крыше. Из корпуса выходит мастер, кричит на 1-го рабочего: Чего, ворон, ловишь? Работы нет что ли?" Рабочий скрывается, мастер уходит в контору. Появляется Афанасий)*.

Афанасий *(сторожу)*. Ну как там за воротами то?

Сторож. Все так же.

Афанасий. Никто не приходил?

Сторож. Нету.

Афанасий. Опоздали. Помехи какой не вышло-ли. *(Поднимается по пожарной лестнице и кричит в окно)*. Саша, Сашенька!

Саша *(из окна)*. Что папаша?

Афанасий. Чаю завари, пить хочется.

Саша. Ладно, заварю.

Афанасий. Что у вас говорят?

Саша. Говорят многое... Вчера компанейские ткачи нашему масленьшику говорили, что сегодня непременно к нам придут.

Афанасий. Да что же они, курвины дети, нейдут... Чай бы пора.

Саша. Придут. (*Выйдя на площадку и приложив ладонь к губам, чтобы заглушить голос.*) Костылев орудует... Так говорят работает, что все только диву даются.

Афанасий. Ах, курвин сын. Степаха молодец, парень оборотистый. Главное свой брат—рабочий; народ своему брату легче поверит.

Саша (*торопливо*). Папаша, хозяин едет, уходи. (*Захлопывает окно. Афанасий уходит в корпус, с лестницы спускается Михаил, подходит к окну, открыв его кричит: братцы, все Заовражье стоит... ни дымника не видно... А народу, народу около фабрик—тьма!" Скры-*

вается в окне. Слышны залушенные восклицания рабочих, передающих друг другу слова Михаила. Во двор входит Кошелев).

Кошелев (*сторожу*). Медведева сюда! (*Сторож уходит. Кошелев останавливается посредине двора, швыряет тростью камешки, вообще обнаруживает признаки крайнего раздражения. Трусит Медведев, подойдя к Кошелеву, подобострастно кланяется. Кошелев подает ему руку. Медведев так же подобострастно пожимает ее*).

Кошелев. В городе забастовка. Придут к нам, дьяволы, снимать. Вот что, Николай Евдоксеич: собери мастеров и скажи, чтобы они об'явили рабочим, что всякий, бросивший работу, будет расчитан сейчас же.

Медведев. Слушаю-с.

Кошелев. Чтобы внушили, как следует, не шутя.

Медведев. Слушаю-с.

Кошелев. А если не сумеют, разгоню всех.

Медведев. Слушаю-с... Хорошо-с.

Кошелев. Всех разгоню, к чорту. Ни одного дьявола на фабрике не оставлю.

Медведев. Так... так...

Кошелев (*передразнивая*). Так... так... Что так, так?

Медведев. Я говорю, хорошо-с.

Кошелев. Хорошо-с. Не хорошо-с... Очень не хорошо-с... Дали воли сволочи... В плети их надо бы принять. Я это Хомяковскому припомню. На поток и разграбление отдал фабрикантов... никаких мер не принимают.

Медведев. Никаких, никаких, Кузьма Дмитрич.

Кошелев (*бешено*). Да ты сам-то иди принимай меры... Ну чего гнусавишь? Ступай! Заруби у всех на носах—если кто бросит работу—вон! К чорту, мостовые гранить!

Медведев. Слушаю. Иду Кузьма Дмитрич.

Кошелев. Позови мастеров и конторщиков на двор. Я сам с ними поговорю.

Медведев. Слушаю-с. Хорошо-с. (*Уходит в корпус. Кошелев ходит взад и вперед*

ред, жестикулируя и рассуждая сам с собой. Из корпуса выходит первый рабочий; не замечая Кошелева подходит к воротам, смотрит на улицу. Кошелев подходя к воротам, ударяет палкой о забор; от неожиданности 1-й рабочий вздрагивает и встречает перед собой Кошелева).

Кошелев. Ты что тут делаешь? Тебе чего надо тут, а?

1-й рабочий. Ничего... Жена лепешек обещала принесть, посмотреть вышел, не принесла-ли.

Кошелев. Я тебе дам лепешек, обезьяна ты этакая. Забастовщиков ждешь?

1-й рабочий. Человек я, а не обезьяна. К скоту меня не применяйте.

Кошелев. Что? Ты возражать? (*Бешено*) Вон, негодяй! Расчет... ступай в контору, собака!

1-й рабочий. Не пугайте—не боюсь. Без расчета уйдем. (*Уходит в корпус. Идет Попов*).

Кошелев (*Попову*). Вывести его, в шею его мерзавца!

Попов. Слушаю-с. Кого прикажете?

Кошелев (*подбегает к штабелю ящиков, стоящему возле стены*). Что это у тебя здесь? Чего ты ящиков тут нагромоздил? Место здесь им, а? Место?

Попов. Виноват, Кузьма Дмитрич... Рабочие были заняты... Сейчас велю убрать.

Кошелев. Ты мне не пой панихиду-то... Виноват... А виноват, так сам и таскай их в сарай. Слышишь? Сам перетаскай на своей спине.

Попов. Кузьма Дмитрич...

Кошелев. Что Кузьма Дмитрич? (*Из корпуса идет Медведев*).

Кошелев (*Медведеву*). Где мастера? Мастера, черт побери!

Медведев. Идут-с. (*Выходят служащие—группа человек в двадцать. Это люди различных возрастов, начиная с подростков и кончая стариками; некоторые из них одеты по провинциальному щеголевато—в воротничках и галстуках, некоторые в двубортных пиджаках и косоворотках*).

Кошелев (*служащим*). Ну, дожили, дожили до хороших дней... Конец России приходит, гибель капиталу Российскому. Пропадаем мы купцы русские... Вот... дуб стоит... Видите какой вырос, тень кругом... от зноя спрятаться можно... Вот и вы около меня точно около дуба... Защиту от нужды, от сумы во мне находите. Дуб посадил мой дед и сказал: стоит дуб—стоит род Кошелевых... Свалит его буря—конец Кошелевым. Дуб стоит, а Кошелевым приходит конец. Что у нас в городе делается? Разбой. Рабочие бастуют... Надули им в уши японские шпионы, научили они их грабить нас... работу бросают, капиталы губят. Власти потворствуют им... Вчера просил Хомяковского наряд на фабрику прислать—не прислал. Что я теперь без полиции-то? Сирота беззащитный. Встанет фабрика, снимут рабочих. (*Голос служащих: „Как раз... дали волю, добра не жди... Японец-то что наделал... Это все Ойяма окаянный*).

Кошелев. Не орать! Слушать коли я говорю. Вы по двадцать, тридцать лет

у меня служите... Жалованье получаете, воруете... Эй, дьяволы, хватаете много... дома понастроили—стервы!—Ну ладно... Я не сержусь. Не воровать нельзя... Без воровства земля, говорят, в тартарары провалится. Ну слушайте... Мне конец—вам конец. Придут к нам сволочи—защищайте фабрику. Во двор никого не впускайте... Из корпуса чтобы муха не пролетела. Берите палки, поленья, железо в руки... Грудью стойте... Что молчите, а? (*Голоса: „Мы ничего. Мы Кузьма Дмитрич всегда за вас. Нам с рабочими-то не по дороге, постоим". Входит Хомяковский, за ним Зверев; с ними наряд городовых, среди которых Сучков и Неченкин*).

Кошелев (*служащим*). По местам! С фабрики никого не выпускать. Смотрите не миндальничать, а то... (*Грозит кулаком,—служащие уходят. Кошелев идет навстречу Хомяковскому*).

Хомяковский (*поднимая руку к козырьку*). Здравия желаю, Кузьма Дмитрич.

Кошелев (*подавая руку.* Ну, Алексей Петрович, не ожидал. *Здоровается со Зверевым*).

Хомяковский. Не ожидали? Кого — меня?

Кошелев. Напустительства не ожидал. Я на вас, как на каменную гору надеялся. И все мы... Вы от нас видели всегда привет и ласку, и настоящую, русскую, а вы... Эх, Алексей Петрович.

Хомяковский. Служба, служба Кузьма Дмитрич. Ласку-то я помню и ценю, а служить мне надо.

Кошелев. Что вы наделали? Зарезали нас... Будто нельзя было этих мерзавцев урезонить. Велели бы казакам похлестать ну и не было бы ничего, работали бы.

Хомяковский. Хлестал... три дня тому назад хлестал, а теперь не могу. Приказание получил.

Кошелев. От кого?

Хомяковский. От Губернатора. Позавчера бумажку получил. Предписывает мягкости, ни арестов, ни побоев. Скопищ предлагает вооруженной силой не разго-

нять, а увещеваниями... Так-то вот с... А сегодня утром телеграмму получил: сам сюда едет... Мне не доверяет видите ли.

Кошелев. Не верю... Вы батюшка, того... загнули малость. Ведь это что же... в могилу ложись? Стало быть я хозяином быть перестал? Ведь это сволочь на головы нам влезет.

Хомяковский. Загибать я ничего не загибал. Сообщаю по совести. Я сам не знаю в чем дело. Не понимаю ничего. Я—кавалерист, люблю строгость, порядок. Увещевать я привык нагайкой, а иначе не умею. Пришел к вам с нарядом, а сделать ничего не могу. Увещевать видите ли надо. Привалит орда—увещевай. Вчера вечером в Заовражье чорт знает что делалось: песни революционные пели, агитаторы речи говорили, а я казаков в казарме держал во исполнение приказа.

Кошелев. Нет, мы этого так не оставим. Это беззаконие. Я заслуженный человек, мануфактур-советник, медали имею. Я над собой издеваться не позволю.

Губернатор—дурак, долой его уберите. Нет, мы к государю пойдем. Мы у государя будем правды искать.

Хомяковский. Т-с... тише. Кузьма Дмитрич, это между нами, батюшка. Этого никто не должен знать, секретное ведь. Надо полагать дело тут не в губернаторе, а еще выше... там новые веяния. Говорят конституцию введут.

Кошелев. Чорт с ней, пускай вводят. А народ-то зачем распускать, зачем волю то ему дают? Ведь какой у нас народ: лентяй, вор, пьяница... без кнута разве можно с ним. (*Увидав столпившихся у окон рабочих*). Вон они, ишь сволочи. (*На рабочих*). Что морды уставили? Делать нечего? Пошли по местам! (*Идет Медведев*).

Кошелев (*Медведеву*). Николай Евдоксеич, в корпусе безобразие: рабочие у окон торчат. Ведь мастерам сказано кажется и узлом завязано. Скажи им: будут ушами хлопать, я—палкой.

Медведев. Слушаюсь. Телефонил управляющий фабрикой Зуевых. Сняли фа-

брику. Надо полагать, к нам сейчас придут. (*Уходит в корпус*).

Кошелев. Алексей Петрович, неужели снимут?

Хомяковский. Почем знать. У вас рабочие посмирнее. Может они не захотят бастовать.

Кошелев (*махнув рукой*). Обнаглели. Пока кулак был—пикнуть никто не смел, а теперь псы псами. (*Увидав снова собравшихся у окна рабочих*). Ишь дьяволы... опять у окна. (*Грозит палкой*). Я вас анафемы! (*Среди рабочих смех*). Чего смеетесь? Чего смеетесь, собаки? (*Кто-то из рабочих запевает*).

„Жил да был на свете некий буржуа
Мирно и счастливо жизнь его текла."

Хором подхватывают припев:

„Буржуа тот наш хозяин" и. т. д.

Кошелев (*Хомякозскому*). Ну вот видите, а? Каково? Я их кормлю, а они что... издеваются. Ну не острожники, не каторжники ли? Как же их не лупить нагайками-то а? (*Идет Попов*).

Кошелев (*хватая его за ворот*). Ты чего смотришь идол заморский? Сказывай кто сейчас в корпусе горланил. Сказывай, чорт тебя побери.

Попов. Я узнаю, Кузьма Дмитрич, я найду их.

Кошелев. Узнаешь? Знаю я, как ты узнаешь. Я тебя для чего держу на фабрике то, а? Ты, мои, уши: слушать должен, должен знать кто о чем говорит. Кто коноводы на фабрике—говори?

Попов. Нет у нас коноводов, Кузьма Дмитрич.

Кошелев (*отталкивая от себя Попова*). Нет, нет... сам ты коновод, дьявол ты этакий! Скрываешь, боишься выдать, за свои бока дрожишь. Может тоже запоешь «Кузя Митрич?» Запоешь, а?

Попов. Кузьма Дмитрич, помилуйте... Я ли не служу вам...

Кошелев. Пошел к чорту! (*Попов некоторое время растерянно топчется на месте, потом уходит*).

Хомяковский. Кузьма Дмитрич, ну разве можно так волноваться.

Кошелев. Влезьте вы сейчас в мою шкуру—зверем зарычите. Сорок лет я был здесь властелином, царем, богом: меня боялись, как грома божьего, на цыпочках вокруг меня ходили, дохнуть на меня никто не смел... И вот пришел конец. (*Трусит Медведев*).

Медведев. Кузьма Дмитрич, идут-с. Из окна видно. Вся прядильная улица народом запружена.

Кошелев (*подбегая к воротам, сторожу*). Запирай ворота! (*Медведеву*). Мастеров на двор! Дайте мне топор—живо!

Хомяковский. Кузьма Дмитрич, не пересолите, батюшка.

Кошелев (*кричит*). Топор!

Медведев. Слушаю-с, сейчас, Кузьма Дмитрич, без топора бы, а? Не озверели бы рабочие-то... Раздразните, как раз.

Кошелев. Топор, чорт побери! (*За воротами гул собирающейся толпы, он нарастает довольно быстро, стучат в забор, потом кричат: «Отпирай ворота! Братцы выходи! Бросай работу! Отпирай!» Крики то затихают и слышны*

только одиночные голоса, то усиливаются, сливаясь в могучий рев).

Хомяковский (*Звереву*). Фома Васильевич, прошу занять место у ворот. Не пускайте во двор... Только помните: драки не начинать.

Зверев (*командуя*). На расстоянии двух шагов, цепью. Стой! (*Городовые строятся перед воротами, в окнах появляются рабочие, некоторые из них выходят на площадки, на дворе все настораживаются и затихают точно подавленные криком и гулом; за воротами стук и крики*).

Кошелев (*возле корпуса рабочим*). По местам! По местам, говорю! Кто тут стоит? Эй, запишите их! (*Выходят мастера, шабельщики; рабочие прячутся; на площадке появляется Михаил, потом Саша*).

Михаил (*с площади рабочим*). Эх вы, бараны. Напугались... Крикнул хозяин, вы и в кусты, хвосты поджали.

Саша. Девушки, выходите. Слышите за воротами: женщины...

Михаил. Выходите что ли, что разиня рты стоите? Хозяина напугались. Пускай его—орет, не проглотит всех-то.

Кошелев (*служащим*). Это что за птицы, откуда прилетели?

Попов. Певуновы.

Кошелев. Дети Афанасия Певунова? Позвать его сюда. (*Михаилу и Сашу*). Эй, вы, на место!

Михаил (*указывая рукой на ворота*). Наше место там—мы уйдем туда. (*Рабочим*). Ну, что же... Или смелости не хватает? Слышите: зовут? Что вам катории своей жалко?

Саша. Женщины, стыдно. Чьи голоса за воротами—наших товарок... Идемте.

Михаил. Пойдем, Саша, одни. (*Спускаются с лестницы, выходит Катя*).

Катя. А меня,-то Миша... Меня-то зачем оставили? О, да тут полиция.

Михаил. Пойдем, Катя. Полиция? Чорт с ней! Хоть убей меня—уйду. (*Из двери 1-го этажа выходит Афанасий*).

Кошелев (*Афанасию*). Что старая собака, выростил? Бунтовщиков вырастил.

Афанасий. Хозяин ты меня не тревожь сегодня. Не называй собакой-то. Я тебя сегодня тоже назову как-нибудь.

Кошелев. Что? Как ты меня назовешь?

Афанасий. Разбойник ты, разбойничья кровь в тебе. Прадед твой с кистенем на разбой ходил... Ты в прадеда уродился.

Кошелев. Ах, ты старый дьявол, вон!

Афанасий. Сам дьявол. Да и дьявол-то четырехрогий. (*Пользуясь тем, что внимание служащих и Хомяковского было привлечено этой сценой, Михаил быстро подходит к воротам, отталкивает сторожа и отодвигает засов, врывается Костылев, Козлов и толпа рабочих и работниц*).

Хомяковский (*впереди городовых, загораживая дорогу*). Нельзя, ребята, нельзя (*Рабочие останавливаются, голоса стоящих сзади: «Чего встали, напирай!»*).

Зверев. Назад... осади назад!

Хомяковский. Ребятушки, здесь не хотят бастовать. Вышли трое желающих— вот этот молодец, эти барышни, а остальные не желают. Работать или не работать добрая воля каждого человека... Насиловать нельзя, не правда-ли?

Костылев (*выходя вперед, Хомяковскому*). Мы с тобой, дядя, после поговорим, сейчас нам некогда—дела много.

Хомяковский (*бешено*). Ты кого тыкаешь, с кем ты говоришь?

Костылев (*спокойно, с усмешкой*). С Хомяковским.

Хомяковский. Я тебя проучу, каналья!

Костылев (*насмешливо*). А ты, дядя, не кричи. Ты будешь кричать—я закричу. Я закричу. (*Указывая на рабочих*). Закричат они. А от крика до драки не далеко (*Городовому*), Ну-ка посторонись, любезный. (*Городовой машинально отодвигается. Костылев проходит во двор*).

Козлов (*городовым*). Пропустите все равно не задержать вам—уйдут рабочие.

Костылев (*Козлову*). Ты, Вася останься. Ты горяч не с того конца начнешь, пожалуй.

Кошелев (*Костылеву*). Куда идешь?

Костылев (*насмешливо*). Дорогу показать хочешь? Без тебя найду.

Кошелев (*мастерам*) Хватайте его мерзавца!

Костылев. Ты сам, Кузьма, мерзавец. (*Окружившим его мастерам*). Вы отойдите, ребята. Мы вас не трогаем, не трогайте и вы нас. Тронете—плакать будете. (*Мастера в замешательстве, Костылев поднимается по лестнице к окну. В окне появляется 1-й рабочий и другие рабочие. У ворот Хомяковский говорит со Зверевым. Зверев показывает Хомяковскому, бумагу, кивает на Костылева, Хомяковский разводит руками, как бы говоря этим жестом: „что-же нелепо, но ничего не поделаешь", городовые сдерживают рабочих, среди которых не прекращаются крики*).

Костылев (*у окна 1-му рабочему*). А, дядя Николай... Ты ведь из Волчихи?

1-й рабочий. Из Волчихи.

Костылев. Посмотри сколько у ворот Волчихинских-то... Одного тебя кажись нет. Ты что, богаче что ли их? Чего ты из окна смотришь? На улицу надо идти. (*Смотрит в окно*). Эй, тетушка Антонида. Ты чего прячешся? Бастовать не хочешь? Погляди-ка ты на себя какая ты желтая.

Видно не сладко живется... Выходи-ка на улицу... Переменить надо жизнь-то... Будет спину-то гнуть, переломится поцолам скоро. Ты, тетка Марья, что тебя хозяин сладким пирогом что ли кормит? Ты чего не выходишь? Чай, поди, редьку да толокно тоже ешь—не надоело, а? (*В окнах и на пожарных площадках появляются рабочие слушают, смеются, говор*).

Костылев. Дядя Алексей, не узнал? Мы с тобой вместе у Кирсановых работали. (*Голос в корпусе радостно*: „*Стенка Костылев?*“)

Костылев. Ну, да Костылев, а то кто же... Иди ка брат, иди. Кирсановские второй день бастуют, у ворот стоят, тебя дожидаются. (*Тот же голос*: „Иду, чорт побери.“)

Костылев. Эх, ребята, как вас Кузька то запутал. Что вы жметесь? Посмотрите-ка на него, на благодетеля то вашего—вон он стоит... что в нем страшного то? Брюхо толстое? Брюхо не ружье—из него не выстрелить. На кулаки—у нас свои кулаки есть. А расчет—всех не расчитает. Работать

некому будет. А мерзавец-то он какой... Всем мерзавцам мерзавец. Кто рабочих сволочами лает? Кузька. Кто вас собаками зовет? Пузо. Кто за вами с палкой гоняется? Шкуродрал. Кто казаков на фабрику вызывает? Рожа... Останетесь не пойдете—он из вас кровь выпьет. Трое ваших с нами... Что же предадите вы их что ли?

Кошелев (*с бешенством*). Замолчи, собака, убью.

Костылев (*резко с силой, голос его звучит металлическими нотами*). Ты, смотри губастый чорт... Я терпелив, но коли терпенье лопнет я тебя петухом петь заставлю!

Кошелев (*Хомяковскому*). Алексей Петрович арестуйте его. Не арестуете я жаловаться на вас буду.

Костылев. А, Лазаря запел, свинья пузатая. Пошел прочь отсюда! (*Рабочие выходят из корпуса, на площадках, в окнах десятки людей. Все с огромным вниманием слушают Костылева, смеются его остротам и шуткам. Кошелев в бешенстве*

и в то же время в растерянности ходит, вернее мечется по двору, грозит неизвестно кому палкой и, наконец, уходит в контору. Мастера уходят кто куда).

Костылев (*рабочим*). Ну собрались? Останавливай машины, да выходи. (*Голоса в корпусе*: Эй, выходи, останавливай машины!" (*Поют*) „Буржуа тот наш хозяин."

Костылев. „Кузя Митрич шкуродрал"... (*Рабочие вместе с Костылевым спускаются вниз по пожарной лестнице, из дверей со смехом, криком и шумом валят густые толпы. В толпе много подростков, женщин и девушек; толпа задержанная городовыми возле ворот, прорывает цепь и соединяется с рабочими, вышедшими из корпуса*).

Козлов (*в сильном возбуждении*). Братцы товарищи, нас били, над нами издевались пока мы действовали по одиночке... Сегодня нас тысячи... Смотрите, кровопийцы то, палачи то наши стоят, они боятся нас. Вон зверь Зверев стоит. Он теперь не страшен. Конец им пришел.

Зверев (*хватаясь за шашку*). Посмотрим, черт побери! Я не боюсь вас. (*Городовым*). В шашки!

Хомяковский. На месте! Господин пристав, отведите людей в полицейское управление!

Зверев. Ваше высокоблагородие...

Хомяковский. Прошу не возражать! (*Городовым*). Шагом марш! (*Городовые строятся по двое, Хомяковский встает впереди отряда; Зверев сзади, уходят за ворота*).

Козлов. Степан, ты об'ясни им. Вон они как смотрят на тебя.

Костылев. Вижу. (*Он окружен рабочими и работницами, некоторые смотрят на него с любопытством, другие с чувством ожидания и недоумения. Он начинает свою речь тоном прибаутки и шуток, потом переходит на резкие, полные гневного под'ема тона. Говорит просто по вдохновению*). Тетка Степанида, чего смотришь на меня—я не писанный. А ты дядя? Да что-вы все уставились на меня, что я страшилище морское или ки-

таец? Поговорить хочется? Поговорим. Зачем вы работу бросили, для чего? А вот для чего. Что про наших капиталистов говорят? Как они деньги наживали? Кузькин прадед разбойничал: дед у Песочкиных церковь обокрал... Вот что говорят про них. Отцы и деды разбоем, воровством, да жульничеством деньги наживали. а сынки да внуки честными стали: прадед церковь обокрал, а правнук построил, получил медаль и почет и уваженье заслужил. А я их не уважаю. По-моему, как они начали с воровства да с разбоя, так и сейчас разбойничают и воруют. Кого они обворовывают? Нас. Вот, вы стоите передо мною... Во что вы одеты? В рванье, в портки да грязные рубахи, в опорки, а они в английские сукна. Что вы едите — картошку да капусту, а они рябчиков да стерлядей. Где вы живете — в конурах, а они в палатах. Обворовали они вас, труд наш кровный раскрали, себе присвоили. И воровство идет ловко: мы и сами не понимаем, что обворованы. Мы думаем, что так уже мир устроен: фабрикант богат и

жирен, а мы нищи и голодны. Но рабочие других городов поняли эту ложь... Пора и нам взяться за ум! Настал час нашего пробуждения! Долой воров—фабрикантов! (*Голоса*): „Правильно. Верно“.

Козлов. Товарищи, мне плакать хочется от радости. Мы уже не рабы. Мы были забиты—теперь мы будем гордыми; мы гнулись как тростники, молча сносили обиды—теперь нас будут бояться. Мы покажем всем: фабрикантам, полиции, что умеем защищаться. Если они тронут нас—мы дадим отпор. Верно ли говорю я? (*В толпе*: „Верно“!. На площадь. Там мы огласим требования и предъявим их фабрикантам. Там мы будем говорить и о тех, кто стоит выше их. (*В толпе молчание*).

Михаил (*с лестницы*). Братцы, нельзя больше жить. Россию опозорили. Японцы разбили нас и все бьют. Братцы, нас задавили... Мы хуже скота живем... Надругаются над нами, бьют нас, плюют на на нас. Что мы—навоз, мусор? Мы—народ. Народ уважать надо, а нас предают, предают фабриканты, Куропаткин... Куда

нас завели? В яму. Бунтовать надо, братцы, дорогу надо искать. Задохнемся мы, пропадем... Так ли братцы? (*Голоса*: „насчет фабрикантов надо говорить, наплевать нам на Куропаткина. Не наше дело.")

Костылев. Товарищи, идите гасить топки. Машины не везде еще остановились. Пойдемте снимать. Потом на площадь. (*Голоса*: „Верно, Костылев. Идем. Уходи ребята." *Уходят с пением*: „Жил да был на свете". *Сади всех идут Афанасий, Саша и Катя*).

Афанасий. Девченки, постойте-ка. Подождите маленько. (*Останавливаются среди опустевшего двора*).

Саша. Идти надо, отстанем.

Афанасий. Ничего... Далеко не уйдут... Толпа-то все равно, что гусеница... Ног много, а прыти мало. (*Тихо*). Сашонька, ты скажи, курвину сыну, Мишке, чтобы не больно в ораторы то лез. Узнает мать—коровой заревет.

Саша. Напугался уж... Эх ты! Если мы будем молчать—кто говорить будет—ты что ли?

Афанасий. Куда мне... Я пьяный разговорчив, а трезвый не охочь говорить-то. Все-таки ты скажи ему... Не больно, мол... А то, мол, кошка оцарапает. Полиция-то мотает себе на ус. Чай сегодня всех говорунов переписали.

Катя. Какой ты трус, папаша. Нехорошо. Миша—молодец. Я тоже ораторшей буду. Подожди я научусь.

Афанасий. Ты заговоришь—уму разуму научишь. (*Уходят. Сторож смотрит им вслед, закрывает ворота, берет в руки запор, останавливается, раздумывает; бросает запор, бестолково топчется на месте, снова открывает ворота, вообще не знает что делать. Из конторы выходит Попов*).

Попов (*сторожу*). Что ворота не закрываешь, колода?

Сторож. А кто его знает закрывать их, али не закрывать. Не разберешь теперь. (*Закрывает ворота*).

Попов. Я тебе разберу, бородатый черт!

Сторож. Чего ругаетесь-то?

Попов. Чего ругаюсь? А тебе-то что, что я ругаюсь?

Сторож. Обидно.

Попов. Обидно? Меня сейчас палкой били... Мне то не обидно?

Сторож. Вы промежь себя. Кто вас с хозяином то разберет. (*Идет Медведев*).

Попов (*плачущим голосом*). Николай Евдоксеич, скажите вы Кузьме Дмитричу—чего он дерется... Палкой по плечу треснул. Я к мировому пойду. Ей богу пойду.

Медведев. Ну, господин Попов, сегодня день-то такой. Каково его пережить Кузьме Дмитричу. Хозяин ведь. Убытки-то на миллионы. Потерять равновесие не мудрено.

Попов. Николай Евдоксеич, я то причем?

Медведев. Не при чем—знаю. Что же сделаешь... Под руку попали. Не убудет вас. Кузьма Дмитрич грубоват, но зато зла не сделает. Другой тихо, вежливо обращается, а такую под тебя мину подведет, что сразу на воздух взлетишь. (*Идет Кошелев*).

Кошелев (*с топором в руке*). Берите топоры.

Медведев. Слушаю-с. Сию минуту, сию минуту.

Кошелев. Нет больше Кошелева. Сволочь верх взяла. Рубите дуб... Чтобы не было его на дворе. (*Ударяет топором по дереву. Около фабричной стены толпятся, посматривая на хозяина и шушукаясь между собою, мастера*).

(*Занавес*).

СЦЕНА III-я.

Приемная в городской думе, превращенная в комнату заседаний. Слева двухстворчатая желтая дверь, по сторонам двери—по два окна. В задней стене дверь в кабинет, в правой стене дверь, ведущая в зал обычных думских заседаний. Возле правой стены два клеенчатых дивана; посредине комнаты стол, покрытый зеленым сукном: на нем графин, стаканы, медные пепельницы, вокруг стола стулья. Возле входной двери на табуретках сидят Сучков и Печенкин. Из зала заседаний доносится шум голосов и крики: „совершенно верно". „Хорошо сказано".

Печенкин. Эк их разносит, точно быки ревут.

Сучков. Как им не реветь: фабрики то почитай, два месяца стоят.

Печенкин. Дали волю бастовать-то, с чего бы это, господин старший?

Сучков. С чего? Этого, братец, не только ты да я, но и сам бы царь Соломон не

отгадал, если бы жив был. Пошло с японца и пошло. (*Вынимает табакерку, набивает ноздри*). Эх, пробрало, эх, важно, точно иголкой закололо.

Печенкин (*чихает*). Ах что б тебе... дерет как анафема.

Сучков. И тебе попало? Хорош табачишко-то,—сердит. Не табак, а жеребенок скачет в ноздрях-то.

Печенкин. Пора бы и кончать. И чего начальство смотрит?

Сучков. Знает оно начальство-то... Оно не зря смотрит—ждет что дальше будет.

Печенкин. Ну-ка как Россия-то замутилась. Сколько народу поубивали. И какого народу—первого сорту: губернаторов, полковников, а нашего брата городового и в счет уже не клади. У нас что рабочие-то делают, на собраниях речи-то какие говорят и царя-то долой и министров долой. Взять бы их перевязать, да в Сибирь, на Сахалин.

Сучков. Ладно. Нас не трогают. Ты помалкивай, брат. Теперь помалкивать самое божье дело... Подхватит иное слово ветер

да и несет куда не надо. А. из-за слова могут большие дела выйти. (*Снова шум голосов*).

Печенкин. Сердятся видно фабриканты-то. (*Голоса*: „Неправда". „Никогда. Нет! Довольно!")

Сучков (*подходит к двери, прислушивается*). Инспектор речь говорит. Уступки советует сделать... Не нравится, рычат.

Печенкин. Да неужто? Поди ты вот— уступки. А по-моему их колошматить надо, в тюрьму надо... Не бунтуй против власти.

Сучков (*отходя от двери*). Нишкни, Печенкин, нишкни.

Печенкин. И то уже молчу.

Сучков (*смотрит в окно*). Их превосходительство губернатор приехали. (*Оба вскакивают и вытягиваются. Входит Карпов за ним Зверев*).

Карпов (*Звереву*). Почему у под'езда охраны нет? Надо поставить казаков. В городе грандиозная забастовка, осложнения всевозможные, а у вас господа, ветер в головах.

Зверев (*делая под козырек*). Ваше превосходительство, все силы на охране фабрик—людей не хватает.

Карпов (*досадливо морщась*). Фабрик, фабрик... Я тоже фабрика, только административная—поймите. Если фабрики охраняются, то почему же я без охраны... Позовите ко мне господина полицмейстера.

Зверев. Слушаю, ваше превосходительство.

Карпов (*вглядываясь в городовых*). Это что за личности? Неужелу нельзя найти более благообразных? У вас губернатор, господа...

Зверев. Постараюсь выбрать более...

Карпов (*обрывая*). Ступайте. Уберите их... Пусть на улице стоят. (*Зверев делает знак городовым. все трое уходят вышагивая по военному. Карпов вынимает портсигар, садится возле стола, на лице устало брезгливая мина: из двери справа выходит Колокольников. Он раздражен, вытирает платком потное, покрасневшее лицо; в момент его появления, через открытую дверь, слышны голоса возбужденно переговаривающихся фабрикантов*).

Карпов. Ну что, Николай Алексеевич? Что голубчик!

Колокольников (*разводя руками*). Плохо. Никаких уступок.

Карпов. Категорически и твердо?

Колокольников. Уперлись как ослы извините за выражение.

Карпов. Ай-ай-ай как не хорошо.

Колокольников. Я, ваше превосходительство, свой долг исполнил. Говорил, убеждал и ничего, безрезультатно. А я уверен, что если бы они уступили, Совет депутатов пошел бы тоже на уступки—забастовка бы рассосалась.

Карпов. Голубчик, придумайте что нибудь... Нельзя же... Два месяца: скандал на всю Россию.

Колокольников. Что же я могу сделать? Рабочее держатся крепко. У них отличный вожак-рабочий, талантливый оратор, смелый решительный. Около стачки атмосфера общественного сочувствия. Кой-откуда они получают деньги. Правда, голод среди них уже начался, но надо предполагать—они скоро не сдадутся.

Карпов. Плохо, очень плохо. И ведь везде так. Вице мой шлет донесения, в губернию нахлынуло студенчество, раз'ехалось по деревням, ведет революционную пропаганду. А тут еще Лидия Николаевна телеграмму за телеграммой шлет: Мишель ликвидируй забастовку—на воды время ехать—опоздаем. Я даже спать перестал. Замучился.

Колокольников. Я хотел просить вас, ваше превосходительство, отпустить меня.

Карпов. Что вы, что вы, голубчик, помилуйте. Что же я без вас.. Вы и рабочий вопрос знаете и рабочих здешних и все такое... Вы мне нужны вот как... (*Из двери справа выходит Кошелев, за ним толпа фабрикантов*).

Кошелев. Здравствуйте, ваше превосходительство...

Карпов (*поднимаясь и подавая руку Кошелеву*). Здравствуйте, Кузьма Дмитрич. (*Отвечая на поклоны остальных*). Здравствуйте, господа. Какое решение приняли?

Кошелев. Решение достойное нас: пусть идут работать. Вымогательство и

насилие им не помогут. Мы им ничего не дадим... Начнут работу, мы посмотрим— кому следует прибавки сделаем. А так... нахальством, с нас ничего не возьмешь.

Карпов. Ах, господа, право следовало бы помягче. Ведь уступить немного вы могли бы.

Кошелев. Извините, ваше превосходительство, не можем. Да и не желаем... Всякие уступки считаем вредными. (*Обращаясь к фабрикантам*). Не так ли, господа фабриканты? (*Сдержанные голоса: „Совершенно верно. Вредны. Недопустимы“*).

Карпов (*пожимая плечами*). Ну что же... рабочие будут бастовать... вы будете терять... ваше дело.

1-й фабрикант. Ну это неизвестно: Может потеряем, а может и приобретем.

2-й фабрикант. Негодяев надо проучить. Пусть поголодают.

3-й фабрикант. Нам надеяться не на кого. Правительство нас не защищает. Нам надо самим о себе думать. Рабочие нам на горло наступили, мы им тоже на горло наступим.

Карпов (*строго*). Осторожнее, господа. Прошу действия правительства не критиковать.

Кошелев (*резко*). Нет, мы молчать не будем! Мы к государю делегацию пошлем. Мы расскажем ему, что здесь с нами делают. Нас поносят, называют кровопийцами, мы раззоряемся. За что? За то, что мы подданные своего государя? За то, что мы за заслуги перед отечеством медали имеем, за то, что церкви строим? Ваше превосходительство, вы нас отдали на поругание. Раззоряете нас. Разве они посмели бы бастовать, если бы вы применили строгость.

Карпов. Какие меры применять, это дело правительства, не ваше и даже не мое. Мне тоже предписывают, господа.

Кошелев. Ваше превосходительство, Михаил Николаевич, когда по России путешествовал наследник цесаревич — он в моем доме останавливался, когда через наш город проезжал. И вы у меня хлеб соль кушали... А сволочь про меня паскудную песню сочинила и по всему го-

роду горланит. Это не обидно? Не прискорбно?

Карпов. Вздор, Кузьма Дмитрич. Какая это обида. Умный человек это за обиду не сочтет. На нахалов не обижаются.

Кошелев. Так, ваше превосходительство, стало быть и обижаться не надо? (*Фабрикантам*). Господа фабриканты, нам пора. (*Голоса: „Пора, скорый поезд в шесть уходит"*).

Кошелев. Ваше превосходительство, мы решили из города выехать. Фабрики оставляем на попечении управляющих и войск, а сами—вон... Невтерпеж... Рабочим через конторы об'явим, что все не приступившие к работам на старых условиях через три дня увольняются... Если работать не начнут—фабрики закрываем. Просим вас дать нам конвой к экстренному поезду, а то нападут на нас разбойники то. Достояния лишают, бесчестят, жизни нашей тоже не пощадят.

Карпов (*недовольно*). Конвой я дам—прикажу полицмейстеру распорядиться. Только, господа, вы пожалеете. Вы своим

бегством и увольнениями так озлобите рабочих, что я не могу вам ручаться ни за что.

Кошелев (*ударяет себя в грудь*). Наши жизни в опасности. Кто поручится, что сволочь не нападет на нас? Защиты нам ждать не от кого.

Карпов (*строго повышая голос*). Господин Кошелев, не забывайтесь. Войска охраняют ваши дома и фабрики так, как меня не охраняют. Посмотрите в окно: возле под'езда никого нет, а около фабрик целые эскадроны.

Кошелев. Извините, ваше превосходительство, они для виду стоят. Им надо приказ дать, чтобы они со сволочью справились, а приказу нет.

Карпов (*нетерпеливо*). Я устал, господа, довольно.

Кошелев. Мы просим послать казаков на вокзал, к поезду. Пусть они нас проводят. (*Голоса: „Покорнейше просим, ваше превосходительство“*).

Карпов. Хорошо, господа, я сказал. Вы бы послушались советов Николая Алек-

сеевича. Он знает, что говорит. Ведь времена то другие. Что было хорошо еще недавно, теперь уже не годится.

2-й фабрикант. У нас свой разум есть.

3-й фабрикант. Мы не дети, ваше превосходительство.

Кошелев. Да-с... нас учить нечего... Мы своим умом жили. К капиталу дорогу проложили своими силами... Как с рабочими собаками обращаться—знаем. Мы этот часослов вызубрили, тут нас никто не собьет. У нас не Англия, а мы не японцы. А господин инспектор ответ держать будет: ни туда гнет, не в ту сторону.

Колокольников (*раздраженно*). Жалуйтесь... Я вам говорил с первых дней забастовки: уступите... Не сумели понять положения... Теперь вы будете иметь на фабриках от'явленных стачечников и революционеров. Они вам покажут себя.

Кошелев. Не с'едят, подавятся. До свидания, ваше превосходительство.

Карпов (*холодно*). До свидания.

Кошелев. Казаков то не откажите...

Карпов. Я сказал. (*Фабриканты раскланиваются и уходят с некоторой торжественностью и как бы вызовом, бросая иронические взгляды в сторону инспектора*).

Колокольников. Экие олухи царя небесного. Привыкли кнутом, да палкой. Думуют, что других способов и нет управлять рабочими.

Карпов (*устало*). Примиряйте вот... старайтесь привести стороны к соглашению. Хорошо департаменту. Послал предписание и конец, а мы исполняй... Исполни-ка—вот... Глупейшее положение. (*С улицы доносится топот казачьего отряда и команда: „стой! слезай! Входят Хомяковский и Зверев*).

Хомяковский. Здравия желаю, ваше превосходительство.

Карпов. Здравия желаю. Казаков отсюда не убирать—слышите?

Хомяковский. Так точно... Отдал приказание есаулу Перекатову.

Карпов. Что нового?

Хомяковский. Получил донесение 3-го участка. Рабочие с Кривушей в город идут.

Карпов. А приказ? Им запрещено ходить по городу толпами и устраивать собрания.

Хомяковский. Так точно—запрещено. Не исполняют приказа.

Карпов. Куда они идут?

Хомяковский. Надо полагать сюда, к думе.

Карпов. Новые осложнения... (*Хомяковскому*). Что у вас? Бумаги?

Хомяковский. Так точно, на ваше имя, ваше превосходительство.

Карпов. Давайте (*Колокольникову*). Я сейчас, Николай Алексеевич. Знаете дорогой, я думаю... А впрочем сейчас. (*Уходит в кабинет*).

Колокольников (*Хомяковскому*). Скажите, Алексей Федорович, много рабочих... Большая толпа идет?

Хомяковский. Огромная. Пристав 3-го участка Чугуев сообщает, что такого огромного скопища еще не бывало.

Колокольников. Ну, а вожаки там?

Хомяковский. Там. Да и где им быть... Без Костылева они шагу не сделают.

Костылев у них все равно, что атаман... Слушаются его беспрекословно. А за ним и других.

Колокольников. И что здесь рабочие всегда были такие настойчивые?

Хомяковский. Никак нет. Овцы были, ваше превосходительство; это Костылев с товарищами их обработал. Вредный человек этот Костылев.

Колокольников. Да, человек дерзкий и несомненно умный, а такие опасны.

Хомяковский. Голова всему делу... Популярность приобрел колоссальную. По его слову рабочие в огонь и воду пойдут. (*Выходит Карпов; в одной руке пакет, в другой бумага, которую он просматривает*).

Карпов. Новое, Николай Алексеевич... И очень важное. Предлагают немедленно ликвидировать забастовку.

Колокольников. Легко написать, как это сделать...

Карпов. Решительными и энергичными мерами. (*Пробегая глазами бумагу*). „В виду затяжного характера... Вредного влияния

на смежные фабричные районы, интенсивной революционной пропаганды среди бастующих".. ну и так далее. Поворот. Надо действовать, господа.

Колокольников. Ваше превосходительство, еще раз прошу: отпустите меня. Я ведь только посредник между рабочими и фабрикантами. Я стремился их примирить—это не удалось. Теперь мне здесь нечего делать.

Карпов. Нельзя. Не могу отпустить. (*Хомяковскому*). Господин полицмейстер теперь вы... Я вам поручаю. В вашем распоряжении казаки, эскадрон драгун. С полковником Никиным я говорил—в случае надобности он еще эскадрон даст. Меры решительные... Арест руководителей, собрания распускать, при неподчинении действовать оружием вплоть до огнестрельного. О ваших действиях доведу до сведения товарища министра. Вас заметят. Итак—немедленно... Как только рабочие явятся сюда, откройте кампанию. Ну я уезжаю, господа. У меня голова разболелась. Возле гостинницы охрану усильте. Поняли?

Хомяковский. Так точно, понял. Все исполню в точности, ваше превосходительство. Я человек решительный, ручаюсь, что забастовка кончится через три дня.

Карпов. Ну, ну, голубчик с Богом. (*Колокольникову*). А ведь на воды я попаду, как вы думаете?, Вы тоже отпуск не потеряете. (*Уходя*). Ах, как голова болит... мигрень. Маман страдала невыносимо. (*Карпов уходит. Колокольников мрачный и недовольный ходит взад и вперед*).

Хомяковский (*Звереву*). Фома Васильич, не ожидали? Вам задание: захватить Костылева, Козлова и других. Что доволен, батюшка, а?

Зверев. Просто счастлив... точно наследство в сто тысяч получил. (*Входит Перекатов*).

Перекатов (*Хомяковскому*). Ваше высокородие, рабочие выходят на площадь.

Хомяковский. Великолепно. Лисица сама в руки идет. (*Все подходят к окнам, смотрят; доносится шум голосов, восклицания, вообще, чувствуется, что на площади суматоха*).

Хомяковский *(Перекатову)*. Командование передали?

Перекатов. Передал, ваше высокородие, вахмистру.

Хомяковский. *(Он приятно возбужден, довольно потирает руки)*. Так-с, отлично... Фома Васильич, есаул, пожалуйте за мной. *(Идет к правой двери)*.

Колокольников. Господин полицмейстер, вы обо мне кажется позабыли. Я буду говорить с рабочими без охраны... так что ли?

Хомяковский *(возвращаясь и козыряя)*. Виноват. *(В окно)*. Сучков войди сюда с людьми. *(Колокольникову)*. Наряд городовых под командой старшего, дельный человек, служит двадцать пять лет. Вы сами, ваше превосходительство, изволите им дать инструкции или же...

Колокольников. Сам... *(Хомяковский козыряет и уходит вместе с ожидавшими его возле двери Зверевым и Перекатовым, входят городовые)*.

Колокольников. Встаньте здесь у стола. *(Городовые шеренгой встают справа от стола)*. Вы с револьверами?

Сучков. Так точно с револьверами. (*Входят: Костылев, Козлов, Михаил, Саша и группа рабочих. Входные двери остаются открытыми, возле них толпятся рабочие, в дверь просовываются новые и новые головы, чувствуется что за дверями снует и волнуется толпа*).

Костылев (*впереди всех, говорит резко и энергично инспектору*). Вы я думаю, поняли зачем мы пришли, говорите: что вам ответили фабриканты.

Колокольников (*после небольшой паузы замешательства, твердо и громко*). Господа, ничего хорошего я вам сказать не могу. Ваши требования отвергнуты. Фабриканты ни на какие уступки не пошли.

Костылев. Так... Это значит: издыхайте с голоду как собаки? Так что ли?

Колокольников (*в замешательстве*). Я ничего не знаю, господа. Я только посредник... Власти над фабрикантами я не имею никакой. Да и вообще никто не может заставить их идти на уступки... Таких законов нет.

Костылев (*обращаясь к рабочим, сильно и резко*). Товарищи, вы слышали? У нас нет защитников. Правительство не может заставить фабрикантов отдать справедливую плату за наш труд. Но нас оно может заставить работать... И заставляет. Да еще как: нагайкой.

Козлов. Одна шайка: фабрикант за правительство, правительство за фабрикантов.

Михаил. У зверье... Думают голодом сломят—не выйдет по ихнему, не сдадимся.

Костылев (*Колокольникову*). Это все, что вы можете сказать?

Колокольников. К сожалению—да. Я советовал фабрикантам уступить, но они и слушать меня не стали. Я уже поседел господа, мне хотелось сделать доброе дело, помирить вас, но увы, не удалось. Я советую вам, господа, подчиниться. Плетью обуха не перешибешь.

Костылев (*насмешливо*). Благодарим за совет. Только будь я на вашем месте—я бы таких советов не давал. От него двадцатым числом пахнет.

Колокольников. Я исполняю свой долг.

Костылев. Долг? Помогаете мяснику резать овцу?

Колокольников (*молча отходит к правым дверям, он покраснел от досады и раздражения, берется за ручку двери и хочет уйти, но останавливается. Костылев берет стул, ставит его возле двери, встает на него и обращается к рабочим*).

Костылев. Товарищи, итак, нас обрекают на голодную смерть. Кузьки Кошелевы, Ваньки Кормилицины, шкуродралы ироды оказались достойными своих кличек. Кровопийцы, выпившие кровь из целых поколений, хотят стереть нас с лица земли, хотят заставить нас пресмыкаться у их ног. Нет! Мы пойдем на фабрики только победителями. Шесть недель мы бастуем. За это время мы научились бороться. За это время мы поняли своих врагов. Пусть голод мучит нас—мы поведем борьбу до конца. Хлеба и работы! Работы и права на человеческую жизнь. Эти слова крик наших сердец. И только тогда, когда они воплотятся в жизнь—

мы пойдем к машинам. Мы ведем войну — так будем мужественны. Враги наши сильны. У них деньги, у них штыки и нагайки. У нас братская любовь друг к другу, жажда справедливости и свободы. Товарищи, наше оружие грознее. Побеждает не тот, кто силен, а тот кто прав. Чего мы хотим? Права на жизнь. Что мы отдаем за это право?—Наш труд. Правда на нашей стороне. Так будем биться за нашу правду до последнего издыхания. Скажем себе: победа или смерть и в бой—бастовать до конца. (*Голоса: „верно!“ Долой фабрикантов! Долой правительство! Хомяковский, выйдя останавливается возле двери кабинета и тихо говорит со Зверевым. По жестам и мимике Зверева видно, что ему даются последние инструкции. Зверев уходит. Такой же разговор с Перекатовым. В то время как Костылев бело и вполголоса переговаривается с Козловым и Михаилом, Хомяковский бросает в след уходящему Перекатову*: „платок, платок, не позабыли?“. *Перекатов утвердительно кивает и ухо-*

дит, за ним протискиваясь сквозь толпу, уходит Колокольников. Хомяковский быстро и решительно подходит к столу).

Хомяковский (*Костылеву*). Я вам приказываю отсюда удалиться.

Костылев. Что? Вы мне приказываете? Адресом ошиблись: я не городовой.

Хомяковский. Молчать!

Костылев (*Меряя его взглядом*). А не замолчать ли лучше вам. Я представитель сорока тысяч рабочих. Я говорю от лица их... И горе тому, кто осмелится оскорбить меня.

Хомяковский. Вон отсюда или я пущу в ход оружие!

Костылев (*резко и громко*). Идите вы вон! Здесь вы не хозяин. Здание принадлежит городу. А город это—мы.

Козлов. Фабрикантов не гнали, а нас гоните. Не пройдет этот номер.

Михаил. Сговорились они с фабрикантами то. И то сказать: кровопийца кровопийцу друг. (*Угрожающий гул около двери*: „разбойники, негодяи!“ *Стихийно мощ-*

чий крик на чью то речь, произнесенную в отдаленной части площади, „долой капиталистов!“ долой самодержавие!“).

Хомяковский (*городовым*). Взять на прицел. (*Городовые вынимают из кобуров револьверы*). Еще раз приказываю очистить здание городской думы.

Костылев. Еще раз говорю: мы отсюда не уйдем. (*Рабочим*). Товарищи, фабриканты нагло отвергнули наши требования. Полицейские заговорили с нами тоже нагло. Нас гонят отсюда. Нас пугают, нам грозят оружием... На угрозу мы ответим угрозой. Троньте — и вы увидите перед собой бойцов, готовых биться на смерть. Вы об'являете нам войну—начинайте, мы примем бой. Вы вооружены—мы безоружны. Сила негодования переполнившая наши сердца, даст нам оружие. Мы разведем огни в горнах, мы заставим вертется точильные камни и у нас будет оружие. (*С необыкновенным под'емом, при мертвой тишине*). Товарищи, позади нас слезы и кровь... Позади нас рабство. Так вперед! Не отступать! Наши враги наводят на нас

револьверы и винтовки. Презрение и ненависть на их головы! (*Хомяковский подходит к окну и вынимает из кармана платок, подносит его ко лбу, точно намереваясь отереть пот и при этом взмахивает им над головой*). Настанет час и они падут, падут под нашими ударами. Мы сокрушим трон мерзавцев и негодяев. Мы разрушим застенки, в которых изнывают наши братья. Мы призовем к суду народа палачей и горе им. (*Частая и беспорядочная стрельба по толпе, душу раздирающие стоны и крики, топот конницы, хлопанье нагаек; толпа находившаяся в помещении отхлынула вон. Хомяковский пытается схватить Костылева тот отталкивает его и кричит в его сторону: Негодяй! Убийца! В его глазах сила и страстность пророка, его увлекают за собой товарищи — все это разыгрывается быстро, в один момент. Затихает стрельба, на улице крики „Анафемы, палачи!“ Голос умирающего хрипло, прерывисто, где-то возле дверей: „будьте вы... про-о-ок-ляты!“*).

Хомяковский (*у окна кричит*). К под'езду! Ловите Костылева! (*В окна летят камни; крики: „убийцы, палачи!“. Слышны одиночные выстрелы*).

Хомяковский (*в окно*). Бей их мерзавцев! Костылева... Ловите Костылева. Живого или мертвого—ко мне! (*Камень сбивает с него фуражку, городовым в бегстве*). Стрелять! Стрелять, чорт побери! (*Городовые стреляют из окон*). А—собаки, побежали... А—мерзавцы! Есаул, в нагайки их! Зверев, Костылева держите он здесь ворот... У выхода поставьте казаков. Бейте, гоните их! А—сволочи... (*Городовым*). За мной! Сучков, останься здесь, еще один здесь. (*Остаются Сучков и Печенкин; слышен голос Хомяковского: „под лестницей, под лестницей ищите“. Одиночные выстрелы и крики, но уже вдали*).

Печенкин (*смотрит в окно*). Господин старший, лежат на площади-то смотрителька... и много.

Сучков (*хмуро*). Ляжешь... Уложит пуля-то.

Печенкин. Бабы есть... Дергается одна должно быть живая.

Сучков. Коли не умерла так живая.

Печенкин. Разбежались... Ну уж теперь шабаш: конец забастовке-то. Давно бы так.

Сучков. Бабушка на двое сказала: может и конец, а может и начало только. Припрут с топорами да с дубинами.

Печенкин. Припрут — опять угостят... Ишь как баба-то корячится.

Сучков. Ах, служба ты наша служба— преподлейшая штука. Начнут теперь нашего брата мочалить.

Печенкин. Не посмеют. Теперь им страху то задали. (*Входит 2-й рабочий. Он еле бредет, опираясь рукой о стену, белая ситцевая рубаха в крови и изорвана, на лице и виске ссадины и кровь*).

2-й рабочий. За что? За что убили? (*Тяжело опускается на стул*).

Печенкин. Не бастуй. Не бунтуй против царя.

2-й рабочий. Звери вы, звери... Кому вы души то продали, подлецы.

Сучков. Это, дядя, казаки стреляли... Мы ничего... Мы народ смирный. Казаки все... Они все супостатовы сыны.

2-й рабочий. Прокляты вы будете... Проклянет вас народ... О-ох умираю... Окаянные вы. (*Падает*).

Печенкин. Умер собака. Поди думал богатым будет. Не угадал.

Сучков (*не то строго, не то слезливо*). Нишкни, ты чорт. Чего тебе-то надо.

Печенкин. Мне ничего не надо. Они вот чего захотели: японцу предались. (*За дверями шум. Голос Зверева: „попался негодяй.“ Голос Хомяковского: „тащи его, ну пошел.“ Голос Костылева: „обрадовались, не радуйтесь: придет ваш час.“ (Казаки вводят Костылева. Он без шапки. Пиджак и рубашка разорваны. Грудь обнажена*).

Хомяковский (*Сучкову*). За него головой отвечаешь... Понял?

Сучков. Так точно, понял, ваше высокородие. Глаз не спущу.

Хомяковский (*подходя вплотную к Костылеву*). У, мерзавец! (*Замахивается кулаком*).

Костылев. Сам мерзавец. Напился крови, бесишься...

Хомяковский (*топая ногами*). Застрелю собака!

Костылев. Ты не застрелишь, моей ненависти. (*Указывая в окно*). Она там в сердцах моих братьев.

Хомяковский (*городовым*). Бейте его! (*Городовые и казаки мнутся в нерешительности и остаются неподвижными*).

Костылев. Что не бьете? Бейте! Я защищал слабых против сильных. Я защищал честных против негодяев. Таких полицейские бьют.

Хомяковский (*он почти невменяем от бешенства*). Молчать!

Костылев. Чего орешь? Я в твоих руках, десятки мертвых лежат на площади: ты победил—торжествуй. Только помни: за каждую каплю крови, пролитую тобой сейчас, вам будут мстить. И мстители придут скоро. Чуешь видно, а?

Хомяковский. Я с тобой поговорю еще. В пьянке, в пьянке поговорю... Там нам не помешают. Возьму Зверева, пару

нагаек... Мы узнаем где у вас типография... И про агитаторов ты тоже расскажешь.

Костылев (*стоит скрестив руки, с усмешкой*). Дурак. Я думал ты умнее... (*Входит казак*).

Хомяковский (*замахиваясь кулаком*). Я тебя, сволочь ты этакая!

Казак (*подойдя к Хомяковскому, в испуге и взволнованно*). Ваше высокородие их благородие есаул послали меня помощи просить. На углу Ковровской стреляют... Троих убили: вахмистра, Лнуфренку...

Хомяковский. (*Стреляют?* (*казакам и городовым*). За мной, марш! (*Сучкову*). Смотри не выпусти птицу. (*Уходит. Слышна команда: „Садись! Винтовки на руку! Рысью марш!“. Цокают подковы, тишина. Потом раздирающий душу женский крик*). „Убили! Алексея мово убили! Ба-а-тюшки...“

Печенкин (*стоит возле дверей*). Господин старший, не связать ли нам его.

Сучков. Чего его вязать... Уйти некуда. Окна высоко—не выпрыгнет... Полиция кругом.

Печенкин. Все-таки для безопасности...

Сучков. Ладно и так. (*Костылев ходит быстрыми шагами, бегло заглядывает в окна. На площади тот же женский голос: „Что я теперь буду делать с сиротами-то?.. Убили кормильца вашего, де-е-т-у-шки, сиротиночки горе-е-мычные“*).

Печенкин. Кто это воет там, господин старший?

Сучков. Баба воет или не слышишь?

Печенкин. Мужа поди не останавливала, как на забастовку шел, а теперь ревет.

Сучков. Заревешь.

Костылев (*сильно ударяя кулаком о стол*). Мерзавцы!

Печенкин. Что, не нравится? Не мути народ... Почешут тебе спину нагайками-то. Помянешь царя Давида. (*Костылев в упор смотрит на Печенкина острым пронизывающим взглядом, от чего тот как-то съеживается и оседает*).

Сучков (*заметив этот взгляд*). Печенкин не смей с арестованными говорить, не полагается. (*Тишина, вдали выстрелы и неопределенный шум, потом набат*).

Печенкин. Сполох... Горит видно.

Сучков. Горит, коли зазвонили. (*Смотрит в окно*). Видно Кормилицинскую фабрику подожгли... Полыхает как, беда.

Печенкин. Господин старший, встаньте у двери, я из окна посмотрю.

Сучков. Смотри. Опять палят... Эх-хехе хохонюшки. (*Переменяют места. Костылев наблюдает за Печенкиным, незамеченный им заходит сзади, ловким и сильным ударом в висок, валит его с ног, сбивает Сучкова, выхватывает у него револьвер и исчезает*).

Печенкин (*приподнимая голову*). Господин старший.

Сучков (*поднимаясь*). Что?

Печенкин (*поднимаясь*). Ушиб он меня чем то... Не встану никак...

Сучков. А ты вставай... Говорил я тебе нишкни—не слушал.

Печенкин (*садится, потирая рукой висок*). Где он?

Сучков. Убег... Тарарахнул меня под ребро .. Ох, не отдышусь никак. (*Входят: Хомяковский, Зверев и казаки*).

Хомяковский. Фома Васильевич, в пьяную его. Вечерком мы к нему наведаемся.

Зверев. Слушаю. Я сейчас ему увертюру все-таки сыграю. Эй, ты.

Сучков (*Хомяковскому*). Ваше высокородие, виноват, проворонил... Оглушил он нас обоих... Гирей видно какой-то.

Хомяковский. Что? Убежал?

Сучков. Не погубите, ваше высокородие.

Хомяковский. Я тебя убью, старый черт! (*Хватает его за ворот*). Старая каналья... В Сибирь упеку!

Сучков. Убил было, память отшиб.

Хомяковский. Я тебе отшибу, я тебе отшибу. Снимай медаль. Шашку, револьвер. (*Срывает с него погоны, шашку, кокарду с фуражки*). Вон! Под суд отдам! (*Печенкину*). И ты вон, стерва!

Печенкин (*умоляюще*). Ваше высокоблагородие...

Хомяковский. Молчать! Снимай погоны... Шашку... (*Толкает его ногой*). Вон! (*Сучков и Печенкин уходят, подталкиваемые Хомяковским*).

Хомяковский. Господин Зверев, поезжайте с казаками... Весь город обыщите... Поймаете—награду исходатайствую. Полковнику Никину позвоните, чтобы драгун дал. (*Снимает с головы фуражку. Держит рукой темя, точно силясь что-то вспомнить, грузно, в изнеможении опускается на стул, слышны отдаленные выстрелы*).

Зверев. Сволочи... Стреляют... Всех перекрошу. (*Уходит, уводя с собой часть казаков*).

Хомяковский. Ах, мерзавцы, ах дьяволы! (*Стучит кулаком по столу*). У, чорт возьми... Застрелить нужно-бы, застрелить... (*Хватает со стола шапку Сучкова, бросает ее на пол, встает, задевает ногой труп 2-го рабочего. Дико, в какомто оцепенении смотрит на него, переводит глаза на стоящего возле казака, смотрит на него точно силясь припомнить что-то позабытое. Входит 1-я работница*).

1-я работница (*она полупомешанная*). Дочку мою не нашли, а?

1-й казак. Какую дочку?

1-я работница. Беленькая такая, Дунюшкой звать... на шейке пятнышко родимое.

1-й казак. Нет ее здесь.

1-я работница. Казаки ее затоптали... У вас чай она, спрятали... Отдайте мне ее.

Хомяковский. Пошла вон!

1-я работница. Куда я без дочки пойду... Отдайте дочку-то, а? Отдайте — или не слышите? (*Одиночные выстрелы, вдали бьет набат*).

(*Занавес*).

СЦЕНА IV-я.

Декорация первой сцены, вечер. Вдали зарево отдаленного пожара, справа тоже. Опалиха стоит возле дома Певуновых, смотрит на небо мигающее багровыми отблесками, бредет вправо, останавливается, снова смотрит по сторонам, покачивая головой и подпирая рукой подбородок. Идет третий рабочий.

Опалиха. Эй, добрый человек, остановись.

3-й рабочий (*на плече у него мешок с мукой*). Чего тебе, тетка?

Опалиха. Посмотри-ка ты на небо-то— страсть-то какая... горит везде.

3-й рабочий. Не жалей. Не наше добро горит.

Опалиха. Страшно-то как, батюшки... Кругом всего города полыхает.

3-й рабочий. Не стреляй в народ... Нука давеча на площади то сколько народу

перебили... Вот и загулял теперь красный петух. Были у фабрикантов дачи — останутся одни головешки. (*Садится под березами*).

Опалиха. Дачи горят?

3-й рабочий. Дачи. Так и надо сволочей. Лавочники тоже под шары попали. Громят лавки-то.

Опалиха. Громят.

3-й рабочий. Бьют. Муку и, вообще, харч берут. Нечего стало жрать-то ведь. У меня вон трое их сопляков-то... прожорливы как утята. Накорми-ка их. Захватил вот пудовичек и я.

Опалиха. Смотри-ка, смотри и там зарево показалось... Матушки — иллюминация какая! (*Смотрят оба влево, где вверху зардело и закачалось багряное пятно*).

3-й рабочий. Хорошая... Теперь пойдет... Бастовали тихо, смирно, а они, на́-ко собаки, как принялись лупить, как принялись... Стоял я на площади, вдруг тра-та-тах-та... Смотрю я, а рядом мужик валится, а поодаль—другой. Ведь что было то, паника-то, давка-то. А тут казаки да

с нагайками. Да ведь так и на войне не дерутся: без оружия так в плен берут... Теперь народ обозлен... беда как обозлен. Хлынули с площади-то, а потом опомнились на улицах-то и давай и давай... кто телефон рвет, кто стекла в магазинах колотит, кто муку из окна швыряет. А потом уж стрельба пошла. Казаки то того маленько... струхнули. Эх, дьявольская порода. Звери. Драгуны ничего не дерутся, а эти прямо аспиды. Недаром их желтыми дьяволами прозвали. Теперь народ-то в лесу... В лес тысячи от казаков ушли... на пути дачи-то и запалили.

Опалиха. Уж я знала, раньше знала, что будет в городе беда... Как только заговорили в народе про забастовку, понаехали драгуны, так сразу я и почуяла: быть худу. Одна я живу, детей нет, муж помер, а у кого дети, беда матерям-то... Вот у Певуновых трое были на площади, а и сейчас домой ни один не вернулся. Родители-то разыскивать пошли. Мать-то плачет, убивается.

3-й рабочий. Разбойники, прямо разбойники, душегубы одно слово. (*Встает*).

Опалиха. Эх дела, дела... А Костылев как, неизвестно? Не пришибли его?

3-й рабочий. Неизвестно, тетка. Я думаю, что они в его больше и метили-то. Парень-то больно уж... ох, какой парень—голова. А говорит-то как—прямо невозможно... плакали от его речей-то. Плохо если его захватили... Другого такого не найдешь. Главное известный человек... Знают его все, на виду у всех был—свой одно слово. Народ-то говорит будто уцелел он... (*Слышны отдельные выстрелы*).

Опалиха. Батюшки, опять палят.

3-й рабочий. И то палят... пойду... А то налетят казаки, изобьют да и муку отнимут. (*Уходит налево. Опалиха бродит около дома, осматривается, старается разглядеть багрово-темную даль; раздается дробная трескотня ружей. Опалиха вздрагивает, пугливо жмется к стене дома, крестится. Идет Настасья Ивановна*).

Опалиха. Что, соседка, как дела-то?

Настасья Ивановна (*прижимая платок к глазам*). Ничего не слышно. Ходила к Козловым—те тоже плачут. Сына нет. В город хотела идти в полицию—не пройдешь: в городе пальба... лавки, говорят, громят рабочие.

Опалиха. Громят... Сейчас человек из города прошел, рассказывал, муку домой понес.

Настасья Ивановна. Не знаю уж и ийти куда... Перебили наших детей... Говорят, с площади обозы с убитыми-то идут.

Опалиха. Ну соседка, не всех перебили... авось твои целы... Батюшки, разгорелось-то как... чья это дача горит? Большая видно.

Настасья Ивановна. Пускай их горит... Самих то бы сжечь собак... Трое было, ни одного нет. (*Плачет*). Растила, растила... для этого ли?

Опалиха. Погоди плакать—придут. Говорят—народ в лес ушел от казаков-то. Может и они там. (*Идет Катя*).

Катя. Мама, ты чего плачешь?

Настасья Ивановна (*обнимая ее*). Катюшка, дочка, красавица моя—жива?

Катя. Жива... что мне сделается...

Настасья Ивановна. Мать-то позабыли дети. Сердце-то мое на куски разорвалось. Что-бы тебе вспомнить про родителей, да домой пораньше придти.

Катя. Домой... До дому ли... нас бьют, а мы по запечьям будем прятаться?—Нет, брат, шалишь. Затронули, надо сдачи дать.

Настасья Ивановна. Миши нет, Саши тоже нет...

Катя. Придут... Ладно мама, не плачь.

Опалиха. Откуда идешь, Катюшка?

Катя. Из города... Лавки громили... Ух, и поработали.

Опалиха. И ты громила?

Катя. А то нет? Да еще как... Разбили мы лабаз на Кирилловской и давай муку выбрасывать из окон, вдруг—казак... Народ мешки таскает, а он с нагайкой... Взяла я с полки бутылку с уксусом, вышла из лавки, да ему в физиономию как шаркну! Прямо в нос... Ускакал, а то-бы мы его пришили.

Настасья Ивановна. Катька... Что ты болтаешь... Я тебя на улицу не выпущу.

Катя. Эх, мама... Не удержать меня никому. Зла я теперь. Я бы этих желтых дьяволов всех передушила.

Опалиха. Что же ты муки не принесла?

Катя. Не до муки мне... Вот что я взяла в лавке. (*Вынимает из под кофточки фунтовую гирю, привязанную на ремешке*). Вот... видишь? Возьму палку привяжу и в драку. (*Пауза*). Видела я убитую... Из уха кровь... Лицо в пыли... Страшное. (*Пауза*). Ух и голодная я, как волченок.

Настасья Ивановна. Иди в дом, поешь.

Катя. Иду. Что в печи-то на стол мечи— все с'ем. (*Уходит, грозит кулаком в сторону зарева, вместе с ней уходит Настасья Ивановна. Идет Афанасий*).

Афанасий (*Опалихе*). Жив дуй его горой. Жив курвин сын.

Опалиха. Кто?

Афанасий. Кто? Костылев. Степан наш. Цел, только рожа ободрана немного. Схватили его возле думы, арестовали, а он тягу.

Опалиха. А дети, то? Саша-то, сын, то?

Афанасий. Да подожди ты... дети. Костылев всем нам сын. Ловили ерша, да подавились. Рассказывал нам... Оставили, говорит, меня с городовыми, впопыхах то не догадались караулу побольше назначить—двое их только было крючков-то... Смотрел я, говорит, смотрел на них, зазевался, говорит, один... Я, говорит, хрясь его в висок указательным пальцем... А палец-то этот у меня, говорит, негодный: сломал в деревне еще мальчишкой... торчит кость точно деревяшка... Ну, говорит, удар-то вышел чувствительный. Он, говорит, ляп на пол, а другой со страху сам растянулся. Я, говорит, револьвер выдернул у него и ходу. Ну и Степка... А мы было думали конец: без Костылева встанет дело. Нет, голова-то выходит уцелела. А голова цела—не пропадет и туловище. (*Выходит Настасья Ивановна*).

Настасья Ивановна. Отец, что ты так долго?

Афанасий. Долго? А что теперь скоро то сделаешь? Ты иди-ка в Завертяиху то, посмотри, что там делается. Там, брат,

целое войско собралось. Войной хотят идти на казаков. Костылев орудует—не спит,

Настасья Ивановна. Ты про детей-то мне говори, отец.

Афанасий. Говори ты, мать.

Настасья Ивановна. Да ведь ты узнавать ходил.

Афанасий. Узнаешь теперь... Кто что теперь знает. Спрашивал кой-кого—не видали говорят.

Настасья Ивановна. Катюшка пришла а старших то видно уж не видать нам. *(Всхлипывает).*

Афанасий *(сердито).* Не видать, не видать... Бери кочергу, я топор возьму—пойдем... Будем права искать, будем смертным боем биться—увидим. Может они за решоткой сидят... Выручать надо идти.

Настасья Ивановна *(сердито).* Тебя бы надо кочергой-то. Мелешь сам не знаешь что.

Афанасий *(сердито).* Ты знаешь... Хнычешь, а дела нет. *(Опалихе).* Ну, Опалиха, дожили... скрипели, скрипели, да и до скрипели. Смотри-ка огня-то, огня-то... Где

теперь фабриканты животы ростить будут? Дачи то—ау... Шутя ведь начали. Думали побалуем, погуляем недельку, да и опять за работу. А оно вон куда повернулось дело-то... до войны дошло.

Опалиха. Я и раньше говорила, что добра не будет... Так оно и вышла.

Настасья Ивановна. Злодеи. Казнить их мало.

Афанасий. Погоди, дай срок, допляшутся они. На Дальнем Востоке доплясались и здесь поскользнутся... Да что: пролетариат все сметет на своем пути... Он, брат, того: „еду, еду не свищу, а как наеду не спущу". Он даст пить буржуазии и дворянству нос республикой утрет.

Настасья Ивановна. Экий ты брехун... Что ты понимаешь... Нагородил, нагородил и сам не знаешь чего.

Афанасий. Знаю, комары тебя заешь. Научился уму разуму. Забастовка нам открыла глаза, расшевелила мозги-то. Спали мы, а теперь проснулись... проснулись свет увидели. Пролетариат силища—потому он мировой. *(Выходит Катя).*

Катя. *(размахивая привязанной к палке гирей).* Верно, папаша! Смотри-ка какая у меня штучка—веселенькая... Ляпну в затылок желтого дьявола, крепко будет.

Афанасий *(шутливо).* Э, да ты совсем Аника воин. Гляди-ка мать: кистень ведь у дочки-то... А не посечь ли тебя крапивой маленько, а? Мать, крапивой ее.

Катя. Казаки не высе́кли, а вам и думать нечего.

Афанасий. О как... подожди: они тебя еще высекут... они тебе еще пропишут...

Катя. Мы им пропишем... Пойдем стенкой—сомнем. Эх, кабы ружье мне... Потешилась бы я над ними.

Афанасий. А пушку не надо?

Катя. А ну тебя, папаша... Ты всегда так: говоришь, говоришь. а потом в кусты.

Афанасий. Куда мне, у меня дочка храбрая.

Катя *(кладет палку на плечо).* Ну, шагом марш, пошла.

Настасья Ивановна. Куда, куда пошла?

Катя. В Завертяиху.

Афанасий Пойдем... И я пойду. Костылев там, депутаты там—весело.

Катя. Костылев цел?

Афанасий. Цел. Арестовали было, да стерегли плохо—удрал.

Катя. Ура! *(Приплясывает, напевая и размахивая гирей).* В Завертяиху!

Настасья Ивановна. Куда вы беси... Ишь с ума сходят, старый да малый... А мне куда идти?

Опалиха. Погляжу я на вас люди добрые и понятие меня не берет. Оглашенные какие-то стали.

Настасья Ивановна. И есть оглашенные... Не убиты, так на убийство лезут... *(Справа голоса: „чья тут лавка? Черт его знает... Громи ребята. У кого лом? Давай сюда. Живо эй... топор давай!" К лавке в рассыпную приближается толпа, окружает ее, слышно как сбивают замки на дверях и срывают ставни на окнах; выходит лавочник, он в одном белье, босой без шапки).*

Лавочник. Братцы, я чем виноват? Меня за что?

Михаил *(в толпе)*. Ты не виноват, но с голоду умирать мы не хотим... Мы у тебя в долг берем—наверстаешь.

Лавочник. Я отопру... Не ломайте замков-то.

Михаил. Отпирай, живо! *(Лавочник отпирает дверь. В лавку врываются рабочие и выходят с пудовиками муки, бумажными мешками, связками баранок и быстро исчезают в темноте).*

Опалиха. Во-на пришли и к нам. Казаки, чай, следом приедут.

Афанасий. Приедут дьяволы, чай уже скачут...

Михаил. Кто голоден, у кого дети—берите муку. В городе все наше. Нашим трудом лавочники живут, из нас пьют соки. Мы имеем право взять. Торопитесь пойдемте дальше.

Катя. Миша там: его голос. *(Бежит к лавке)*. Миша, где Саша!

Михаил. Здесь, с нами.

Настасья Ивановна. Живы, живы... детки мои милые... *(Взволнованная идет к лавке).*

Михаил. Надо уходить. Здесь кончено. *(Голос в отдалении: „желтые дьяволы едут“).*

Михаил. Товарищи, казаки гонятся за нами по пятам. Надо уходить. Кто с ружьями, идите сзади.

Настасья Ивановна. Дети, дети, куда вы?.. на смерть идете ведь... себя не жалеете—мать пожалейте.

Михаил. Кого жалеть, мама: тебя или тысячи таких как ты. Вернусь я, приду. Товарищи, дальше... Катя, вперед! *(Торопливо шмыгают рабочие, подбирая выброшенное из лавки, некоторые уходят в стороны, остальные также в рассыпную, как и подошли уходят. Остаются Настасья Ивановна и Саша).*

Настасья Ивановна *(обнимая молчаливо стоящую Сашу).* Саша не уходи... Ты тихая у меня—куда тебе с ними. Пожалей нас стариков. *(Саша вместе с матерью подходит к дому).*

Саша. Устала я. Сесть ли мне, идти ли куда... Не знаю. Не чувствую ничего.

Настасья Ивановна. Дочка моя, тихая моя... тебя не... тронули.

Саша. Нет... Я спряталась во дворе, за поленницей. Меня не нашли, а Машу Курочкину вытащили и избили чуть не на смерть... Спрятались мы обе... и за что? Разве мы звери какие? *(Голоса слева: „желтые с поля едут". Толпа бежит обратно к лавке. Крики: „С обеих сторон заехали. Идем в Завертяиху. Не сдавайтесь товарищи. Стреляйте!" В темноте, слегка позолоченной отблесками зарева, мелькают рабочие, отступающие в разных направлениях, крики, невдалеке стрельба, шум быстро завязавшейся схватки).*

Настасья Ивановна. Дети мои, убьют их, убьют... *(В страстном отчаянии).* Да что же это делается. Неужели за нас некому заступиться?

Афанасий. Эх побегу я... В Завертяиху побегу. Скажу, что казаки нагрянули сюда. *(Уходит).*

Саша. За что они нас ненавидят?

Опалиха. Кто бедняков любит, Саша... Бедняк, что собака: бросят кость, а потом

плакой... А коли огрызнулся, совсем пришибут. *(Шум, крики: схватили наших! Эй, товарищи, сюда! Отбивай!)*

Настасья Ивановна. Убивают, убивают кого-то...

Саша *(кричит).* Вы, звери... или не досыта напились крови?—Захлебнетесь!

Настасья Ивановна. Молчи Саша, молчи.

Саша. Молчишь—из тебя тоже кровь пьют... Так лучше уж кричать. *(Тишина. Показывается Зверев, за ним кучка казаков, среди них Михаил и Катя).*

Зверев. Сюда, к скамье. *(Садится на скамью. Казаки подводят арестованных).* Обыскать! *(Из кармана у Михаила вынимают паспорт, записную книжку, газеты, и кое какие бумаги и передают Звереву).*

Зверев *(посмотрел паспорт).* Певунов... У тебя в дому Костылев жил. Говори... Запорю, прохвост.

Настасья Ивановна *(подойдя к Звереву).* Ваше благородие, отпустите его.

Зверев. Ты кто такая, мать?

Настасья Ивановна *(плачет).* Мать...

2-й казак. Ваше благородие, у девченки вон что—оружие. (*Подает гирю и палку*).

Зверев. Подведи-ка ее... ты шлюха! Я тебя, сволочь ты этакая, за эту гирю в Сибирь упеку.

Михаил. Чего лаешься, пес? Убивай коли захватил—мы не боимся.

Катя. Миша, посмотри-ка ему на усы... рыбу ловить годятся... вожжи, а не усы.

Настасья Ивановна (*в отчаянии*). Дети, дети, что вы делаете?

Зверев. Молчи, дрянь. Выпороть велю. (*Казакам*). Уведите их в сторону. (*Казаки отходят*).

Зверев (*Настасье Ивановне, меняя тон.*) Ну старуха... барышня-то тоже твоя?

Настасья Ивановна. Моя, ваше благородие.

Зверев. Воспитала... Тебя бы тоже надо к ответственности. Вырастила бунтовщиков и преступников.

Настасья Ивановна. Не учила я их худому, ваше благородие. Это по глупости они... простите их, ваше благородие...

Зверев. Простить можно, но раскаяние нужно... нужно доказать начальству преданность... Костылев у тебя жил?

Настасья Ивановна. Жил.

Зверев. Ну вот, скажи где он сейчас... Скажешь отпущу твоих детей, не скажешь упеку. (*Подходит Саша*).

Саша. Мама, не говори с ним. Отойди.

Настасья Ивановна. Про Костылева я ничего не знаю.

Зверев. (*Злобно.*) Врешь, ведьма, знаешь! Знаешь от сына...

Саша. Мама, уйдем.

Настасья Ивановна. Дети мои, что с вами будет? Пропадут ваши головушки, замучат вас в тюрьмах, плетьми засекут...

Зверев. Говори, старуха, не хнычь. Не скажешь, велю сейчас выпороть. На твоих глазах... Ну говори... Говори, черт тебя побери! (*Хватает ее за плечи*). Где Костылев?

Михаил. Зверь! Будь проклят!

Катя. Кровопийца.

Зверев (*отпустив Настасью Ивановну садится*). Ну хорошо... Мы тебе пока-

жем представление... разложим на скамье и отделаем, сначала сынка, потом дочку. А там в тюрьму, посадим в одиночках, покормим недельку селедками... посмотрим что тогда вы запоете.

Саша (*истерически*). Негодяй! Убейте нас всех... убейте. Ах, ах! (*Падает на руки к подоспевшей Опалихе*).

Настасья Ивановна. Отольются вам наши слезы. Кровь-то падет на ваши головы.

Зверев (*снова меняя тон*). Слушай старуха. Костылев государственный преступник. Он японский шпион, бунтовщик. Он недаром вскружил рабочим головы. Японцы ему за это деньги платят. Он вредный человек. От него неприятности властям, вред государству, а вам всем—беда. Мы отпустим вас всех... Отпустим твоих детей—они преступники по заблуждению, а не по злой воле... Но Костылева нам нужно арестовать. Не будет его—все кончится, рабочие образумятся, опять начнется спокойная жизнь.

Михаил. Ты врешь, Зверев... Костылев такой же труженик, как и мы. Ты сам шпион!

Зверев. Эй, растянуть его, всыпать ему мерзавцу! (*Казаки хватают за руки Михаила и тащат его к скамье*).

Зверев. Здесь, у моих ног. Я тебя мои сапоги лизать заставлю, сволочь.

Катя. Обезьяна, орангутанг... Палач!

Зверев. И до тебя дойдет черед.

Катя. Не боюсь... Собака ты, пес... Миша, зубами их.

Настасья Ивановна. Ваше благородие, пощадите...

Михаил. Мать, если ты скажешь ему хоть слово—ты нас не увидишь.

Катя. Мама, молчи!

Зверев. На землю его, ну! (*Казаки вступают в борьбу с Михаилом, который отбивается, вырываясь из их рук. Внезапно раздаются выстрелы, казаки приходят в замешательство, еще несколько выстрелов, бегут пешие казаки*).

Зверев. Что такое? Вперед! Стрелять!

1-й казак. Ваше благородие, огромная сила идет. Стреляют залпами... Лошадей поубивали.

Зверев. Вперед за мной! Не щадить никого! (*Справа и слева, точно мыши, показываются и спешат рабочие. Они вооружены охотничьими ружьями, револьверами, топорами, некоторые просто камнями и палками. Выстрелы; слышен топот уезжающих казаков, крики: „бей их, убежали дьяволы“. Зверев и находящиеся возле него казаки попадают в кольцо наступающих из за домов рабочих. Двое из казаков, стоявших вместе со Зверевым, падают, остальные бросаются в бегство. Зверев стреляет из револьвера; из за дома Нескуновых выскакивает Костылев, хватает пристава за руку, выбивает револьвер, несколько человек наваливаются на него и придавливают его к земле; голоса: „души его! Стреляй! Попался кровопивец!“*).

Костылев. Хватит, товарищи. Помяли брюхо и будет. Не всякого зверя убивают.

Михаил. Он меня нагайками бить хотел. (*Поднимающемуся с земли Звереву*). Что поймал Костылева? Степан, он тебя шпионом называл.

Костылев. Да? Так вот откуда это идет. (*Вспылив*). Я тебя, мерзавец, проучу!

Катя. Что, опустил усы? (*Размахивая гирей*). Свистну вот по затылку.

Михаил. Молчишь... С казаками хват, а без казаков гад видно. (*Идет Козлов. Увидав Зверева подходит к нему и размахивается с намерением ударить*).

Костылев (*хватая его за руку*). Вася... Что ты ополоумел.

Козлов. Мерзавец!

Костылев. Семиэтажный... Но зачем тебе руки марать. Давайте-ка лучше обыщем его друзья. (*Козлов отходит. Несколько человек рабочих окружают Зверева полукольцом. Костылев сидит; Зверев стоит перед ним, мундир на нем разорван, лицо в пыли, он кажется спокойным; его обыскивают вынимают бумажник, записную книжку и несколько исписанных листов бумаги, передают все это Костылеву.*

Костылев (*читает*). «Адреса членов Совета фабричных депутатов». Так... «Костылев Степан, смуглый, сухощавый... Послать описание наружности по железнодо-

рожным станциям" Так. „Донесение агента Пирожкова... В доме Зорина на Негорелой подозрительная лавка, обыскать сегодня"... Интересно. (*Всматривается в лицо Зверева*).

Костылев (*резко*). Лавку обыскивали? (*Пауза*). Ты у меня не отмолчишься. (*Вынимает револьвер*). Видишь эту штуку? Такого же образца как и твой... Сегодня у городового отнял. Ну, (*Наводит револьвер*) обыскивали лавку? Слушай: я не боюсь ни каторги, ни смерти. Я убью тебя если ты не скажешь.

Зверев (*Побледнев*). Обыскивали.

Костылев. Типографию захватили?

Зверев. Захватили...

Костылев. Где она сейчас?

Зверев (*молчит*).

Костылев. Ну, шевели языком. (*Прикладывает ко лбу Зверева револьвер*). Холодно, а! А то смотри обожгу...

Зверев (*откидывая голову*). В третьем участке.

Костылев. А арестованные?

Зверев. Там же.

Костылев. На карауле кто: казаки?

Зверев. Городовые.

Костылев. Сколько?.

Зверев. Десять человек.

Костылев. Так... (*Снова просматривает документы Зверева*). Вася, спрячь. (*Козлов принимает их*).

Козлов. Что с ним делать? (*Кивает на Зверева*).

Костылев. Мы его сейчас плясать заставим. Хочешь плясать? Не хочешь? А то попляши. (*В толпе смех. Зверев судорожно кривит губы и опускает голову, толпа упрямо смотрит то на него, то на багровое небо*).

Михаил. Что голову опустил? Выдал секрет-то... Эх ты... Я рабочий, мужик, а своей тайны не выдам, хоть на костре сожги меня.

Костылев. Что тайна... Он, пожалуй плясать будет, если попросить хорошенько. Слушай пристав: скажи всем громко и ясно, что называя меня японским шпионом ты клеветал и лгал. Говори, не заставляй себя ждать.

Зверев (*заплетающимся языком*). Я лгал называя господина Костылева... Японским шпионом... (*В толпе смех и говор: „господина... какая вежливость“*).

Костылев. Товарищи отведите его в Завертяиху... Продержите до утра в бане. (*Зверева уводят*).

Козлов. Казаки то донесут... Сюда пришлют целый отряд.

Костылев. Пришлют, встретим. Типографию надо выручать. Время терять нельзя. Рассветает, ничего не сделаешь.

Козлов. Выручим. Я иду, кто со мной? (*Голоса „Я! Я!“*).

Костылев. Вася, иди! Иди, друг! (*Часть рабочих уходит вместе с Козловым. Крики в отдалении: с Перевозной едут казаки. Эй, казаки.*)

Костылев. Товарищи, нас предупреждают. Едут желтые дьяволы. Если они на нас нападут, мы ответим нападением. Сегодня решительный день. Фабриканты отвергли наши требования. Шесть недель они водили нас за нос. И когда нас стал мучить голод, они нанесли нам удар. Они

бежали из города под охраной войск. Полиция залила улицы кровью наших братьев. Товарищи, враги решили сломить нас одним ударом. Но кровь спаяла нас. Она превратила нас в львов. Смотрите: кругом города пылают дачи, на улицах трещат выстрелы — голодные берут себе хлеб у лавочников, казаки бегут под нашими ударами. Мы сильны как никогда. Совет фабричных депутатов постановил забастовку продолжать. С желтыми дьяволами война. На каждое нападение казаков мы ответим выстрелами... И будем отвечать до тех пор, пока нас не оставят в покое и право собрания не будет за нами обеспечено... (*Крики: „Верно! Правильно“!*) Товарищи, полицейские клевещут на нас. Они говорят, что мы подкуплены японцами... Подлецы, они чувствуют страшную силу нашей идеи... Она сильнее их тюрьмы, штыков и нагаек... И вот они оплевывают ее, стремятся втоптать ее в грязь. Это им не удастся. Кто мы все? Требующие справедливости. Кто я и мои товарищи? Борцы за справедливость. На меня клевещут, я

им скажу: я был брошен в котел жизни ребенком. Я пас скот по деревням, пришел в город и здесь, увидев подлость и страдания, стал на сторону тех, кто страдает. Я сам страдал. Буржуа и правительство травили меня. Тюрьмой и волчьим паспортом платили они мне за ненависть к ним... Я их ненавижу и люблю всех, кто тех ненавидит их как я. Я с детства впитал в себя горе народа, слезы его падали мне на сердце и зажгли его огнем негодования. И вот я впереди вас... и те кто, со мной—такие же как я... Где тут японские деньги? Прочь клевету. Презрение клеветникам! Вперед на борьбу! (*Крики: „долой фабрикантов!“ В отдалении: „Казаки эй казаки! Слу-у-шайте!*

Михаил. Товарищи, два месяца тому назад я был слеп. Как щенок я ползал, не видя света, а теперь он сияет передо мной. Я знаю куда нам идти... Нас никто не спасет, мы сами себе помощники... кругом нас гады... Облепили они нас, кровь сосут... Сбросить их надо. Сбросить так, чтобы они потом и подползти близко не

смели. Вот теперь... Если мы ослабнем духом, сдадимся—в нас вопьются зубы... Если мы их проучим, остерегаться будут. Товарищи, по России идет революция... С ней... против фабрикантов, попов, царя! *Голоса*: „*верно*“! *Невдалеке слышны полицейские свистки, рабочие рассыпаются в цепи, прячутся за углами домов, раздаются выстрелы.*

Костылев. Вперед, товарищи. За наше освобождение! (*Бросается с кучкой рабочих в правую сторону, откуда слышна стрельба. За ним уходит Михаил, Катя, Афонасий, из за домов то по одиночке, то группами перебегают вместе рабочие*).

Афанасий. (*За сценой*).Справа, справа, заходи... валяй их братцы! (*Крики: „Ага не по носу табак!“ Выстрелы. Сраженная пулей падает Саша*)

Настасья Ивановна. Саша... дочка... убили... уби-ли, доченька, на кого ты меня поки-нула? (*Крики: „Побежали дьяволы. В догонку то их лупи!“*).

Афанасий. В спины, в спины то-им... жарь, братцы, жарь! (*Крики: „отбили,*

ускакали!" Толпа собирается возле берез, оживленно переговариваясь и жестикулируя. Идет Козлов).

Козлов. (*возвращаясь к толпе Костылеву*). Типография, наша, Степан.

Костылев. А арестованные?

Козлов. С нами.

Костылев. Товарищи, мы побеждаем! Ура! (*В городе вспыхивает зарево пожара; в толпе голоса „пожар, в городе горит!"*)

Козлов. Горит разбойничье гнездо. Мы подожгли участок. (*Толпа освещена заревом пожара, бьют в набат*).

Настасья Ивановна. Дочка, дочка... не увижу я твоих глаз ясных, не услышу голоса звонкого...

Костылев (*подойдя к Настасье Ивановне и увидев мертвую Сашу, на мгновение поникает точно от удара, поднимая руки над головой*). Да здравствует революция! (*Крики в толпе, набат*).

(*Занавес*).

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Probuzhdenie : pesa v 4-kh stse
891.72 G196P
D90352912V